

**НЕИЗДАВАННЫЙ
ПУШКИН**



НЕИЗДААННЫЙ
ПУШКИН

Под редакцией
А. П. Могилянского

С.-Петербург
1994

ББК 8Р1
Н 45

Редакционная коллегия:

В. Л. Замбржицкий, А. П. Могилянский (председатель),
Ф. Я. Прийма, В. Н. Фойницкий

Издание осуществлено за счет средств А. П. Могилянского

Издание подготовлено при ближайшем участии Российского
государственного исторического архива

*Автор благодарит "Балтийский банк"
за помощь при подготовке рукописи к изданию*

Неизданный Пушкин/Под ред. А. П. Могилянского,
Н 45 СПб.: Элмор, 1994. – 112 с.

ISBN 5-7399-0004-2

Впервые публикуется полный и достоверный текст знаменитой
позмы "Медный Всадник" с подробными комментариями к тексту.

Для исследователей творчества А. С. Пушкина и всех, кто
интересуется русской литературой и историей России.

ББК 8Р1

ISBN 5-7399-0004-2 © А. П. Могилянский, составление, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем выпуске издания “Неизданный Пушкин” не только впервые публикуется полный и достоверный текст знаменитой поэмы Пушкина “Медный Всадник”, написанный им в октябре и ноябре 1833 года и осенью 1836 года, но и впервые, на основании неизвестных ранее документов, устанавливается его единственный смысл. В силу исторических условий и уровня нашей науки до настоящего времени этот текст издавался неправильно и во множестве вариантов, о чем подробно сообщается в комментариях.

В последние годы группа ученых-энтузиастов предприняла решительные меры по розыску и опубликованию неизвестных текстов гениального поэта. В этих целях был составлен и при просвещенном содействии Русского торгово-промышленного банка распространен по всему миру нижеследующий текст:

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ ЦЕНИТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ

Нация представляет собою живой организм. Он живет, противоборствует стихийным бедствиям, добивается высших своих проявлений. Такие проявления можно уподобить солнцу. Солнцем английской культуры был и остается Уильям Шекспир. Когда, в 1837 году, был убит Александр Пушкин — князь Одоевский сразу же написал: “Солнце русской поэзии закатилось!”

Сочинения Пушкина уже были изданы пятнадцатимиллионным тиражом. Созданы музеи, посвященные только ему. В разных городах Пушкину поставлены памятники. При открытии памятника в Москве в июне 1880 года гениальный Федор Достоевский произнес свою знаменитую речь, окрыленную идеей братства народов.

Но имеется у русских одна кровоточащая рана, вызывающая острую и неутихающую боль. После революции 1917 года за границу России были увезены дневник, подлинные письма и другие рукописи поэта, мемориальные вещи и документы, без которых нельзя создать достойную его памяти биографию, подготовить действительно полное собрание его сочинений.

Для возвращения на родину этих реликвий Россия готова на все. Если это нужно, если этого потребуют владельцы перечисленных ценностей, они будут публиковаться с соответствующими купюрами. Решительно все условия владельцев будет строжайшим образом выполнены.

Не исключено также и использование фотографий.

Необходимо учесть, что Россия теперь не та, которая была до событий 1985–1991 годов. Россия возрождается и с тем большим старанием заботится о сохранности своего великого культурного наследия.

Ко всем мероприятиям по приему и публикации реликвий Пушкина привлечены крупнейшие деятели культуры России.

По завершении публикаций все документы будут переданы Академии наук.

*Русский торгово-промышленный банк.
Санкт-Петербург, 191065, ул. Б. Морская, 15,
сейф №96.*

К “Обращению” было приложено следующее предуведомление:

*Глубоко уважая Вашу газету,
инициативная группа по осуществлению
на общественных началах издания
“Неизданный Пушкин”
выражает надежду на то, что Вы
не откажете в опубликовании
прилагаемого при этом “Обращения”.
Экземпляр издания Вам гарантирован.
Просьба прислать номер
с нашим обращением.*

Русский торгово-промышленный банк учрежден в 1889 г. и восстановлен в том же специализированном здании (архитектор М. М. Перетяткович) в 1989 г. Банк является участником программы “Классика”, организованной Эрмитажем, Русским музеем и С.-Петербургским фондом культуры.

От результатов этой акции зависит выход следующих выпусков издания.

Настоящему изданию оказали содействие: канд. филол. наук О. Н. Беляевская, **Б. Я. Виленчик**, канд. филол. наук Н. Н. Грузинская, лауреат гос. премии Б. И. Еропкин, Т. А. Ерышева, Л. В. Жакова, научн. сотр. РАН Л. А. Иванова, Н. В. Капралова, канд. искусствоведения Т. К. Кустодиева, М. С. Ланда, Е. Л. Раковский, С. С. Сметанина, научн. сотр. РАН Г. Н. Яковлев. Всем им редакция выражает глубокую благодарность.

Редакционная коллегия

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Петербургская повесть
1833

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным *В. Н. Берхом*.

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред Ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
10 В тумане спрятанного солнца
Кругом шумел.

И думал Он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;¹
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
20 И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
30 По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами

Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
40 Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
50 Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.²
Люблю зимы твоей жестокой
60 Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
70 Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица

Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
80 Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
90 Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
100 В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
110 Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно.
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне. Где-то служит,
120 Дичится знатных и не тужит
Ни о почившей родне,
Ни о забытой старине.

- И так домой пришел, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненьи разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
130 И независимость и честь,
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалежного ленивыцы,

Которым жизнь куда легка!
Что вряд еще через два года
Он чин получит; что река
Все прибывала, что погода
Не унималась; что едва ль
140 Мостов не сымут, что конечно
Параше будет очень жаль ...
Тут он разнежился сердечно
И размечтался как поэт.

“Жениться? что ж? зачем же нет?
И в самом деле? Я устрою
Себе смиренный уголок
И в нем Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшок
Да сам большой... чего мне боле?
150 Не будем прихотей мы знать.
По воскресеньям летом в поле
С Парашей буду я гулять;
Местечко выпрошу; Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят...”

Так он мечтал. Но грустно было
160 Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редает мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...³
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
170 И спорить стало ей невмочь...

По утру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
180 Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало. Все вокруг
Вдруг опустело — волны вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

190 Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по городу!

Народ
200 Зрит Божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

В тот грозный год
Покойный Царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: "С Божией стихией
Царям не совладеть". Он сел

- И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
- 210 Стояли стогны озерами
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил — из конца в конец
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы⁴
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.
- 220 Тогда, на площади петровой
Где дом в углу вознесся новой,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижим, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,
- 230 Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры.
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
- 240 Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, Боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне

Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
250 Насмешка Рока над землей?

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- 260 Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
- 270 И, грабежем отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.
Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
- 280 Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботной
Чрез волны страшные охотно
- 290 Его за гривеңник везет.
И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.
Несчастный
Знакомой улицей бежит

- В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
300 Все перед ним завалено,
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
310 Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..

Он остановился.

- Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота,
Снесло их, видно. Где же дом?
320 И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла

На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч

- Из-за усталых, бледных туч
330 Блеснул над тихой столицей,
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багрянницей
Уже прикрыто было зло.

В порядок прежний все вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
340 Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
350 Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал в наймы, как вышел срок,
360 Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
370 Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось — он

Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света
Ни призрак мертвой...

Раз он спал

380 У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали во тьме ночной
Перекликался часовой...

390 Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился, и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
400 Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
410 Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,

Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
420 О мощный властелин Судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?⁵

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
430 К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
“Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!...” И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
440 Ему, что грозного Царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
450 За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне;

И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
460 Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Колпак изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остров малый

На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
470 Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
480 Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Альгаротти где-то сказал: Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe.

² Смотри стихи кн. Вяземского графине З***.

³ Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений — Oleszkiewicz. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

⁴ Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

⁵ Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич.

КОММЕНТАРИИ

ПРОБЛЕМА ИСТОЛКОВАНИЯ ПОЭМЫ ПУШКИНА “МЕДНЫЙ ВСАДНИК”

§1. Все многочисленные попытки истолковать смысл поэмы Пушкина “Медный Всадник” (1833) без труда подразделяются на две основные группы. Первая из них основана на истолковании прямых, ничем не прикрытых данных текста поэмы. Вторая группа учитывает возможность наличия в тексте поэмы неявных элементов смысла, затрудняющих понимание его в целом. Истолкователям первой группы — “все ясно”. Представителям второй группы “Медный Всадник” кажется “загадочным”. Загадочной, кстати сказать, назвал пушкинскую поэму и академик А. В. Луначарский¹.

§2. Как будет показано ниже, работа Пушкина над “Медным Всадником” тесно связана с его увлечением русским фольклором, вследствие чего поэма является прежде всего развернутой загадкой². Это показывает, что на правильном пути при истолковании поэмы находилась только вторая группа исследователей, работы основных представителей которой будут кратко охарактеризованы ниже.

§3. Как нами будет показано, некоторые из исследователей первой группы, в противоречии со своими исходными положениями, также частично содействовали раскрытию смысла поэмы.

§4. Нераскрытость смысла поэмы делала невозможным установление ее дефинитивного текста. В результате мы до насто-

¹ А. В. Луначарский. Собрание сочинений в восьми томах, т.1. М., 1963, с. 36.

² Фольклорные материалы, собранные Пушкиным и его друзьями, были переданы им П. В. Киреевскому именно в 1833 году, незадолго до написания “Медного Всадника”. См.: А. Д. Соймонов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. Известия ОЛЯ, 1961, т. XX, вып. 2, с. 150 и сл. Литературные обработки загадок публиковались в России с 1770-х годов.

ящего времени не располагаем сколько-нибудь удовлетворительно подготовленным текстом “Медного Всадника”. Подтверждается это, в частности, тем, что даже в академических изданиях 1948–1957 годов текст поэмы опубликован с существенными различиями.

§5. Представители первой группы исследователей неоднократно пытались скомпрометировать толкование второй группы. “Загадочность” поэмы, вполне естественную для поэмы-загадки, они объявили сведением поэтического шедевра к “ребусу”³.

§6. Основоположителем строго научного подхода к истолкованию “Медного Всадника” явился известный польско-русский филолог и юрист В. Д. Спасович. Работа его “Пушкин и Мицкевич у памятника Петра Великого” была опубликована в “Вестнике Европы” за 1887 год (№4). Ниже мы пользуемся текстом второго тома его “Сочинений” (СПб., 1889).

Спасович прямо пишет о том, что общественные и цензурные условия тридцатых годов не позволили Пушкину выразить замысел своего произведения открыто. Этому посвящены преимущественно пятая и шестая главы его статьи. Именно здесь мы находим его знаменитую формулировку: “Как ни охорашивал Петра Пушкин в “Медном Всаднике”, как ни занавешивал он основную мысль поэмы, несмотря на то, цензура не разрешила ему при жизни его поэмы к напечатанию” (с.257). Спасович неоднократно пишет об этом (с.252–253, 258, 260, 285, 286, 287), но нигде не формулирует своего понимания “основной мысли” Пушкина. Сделано это, разумеется, сознательно, в связи с чем мы можем констатировать метод занавешивания и у самого исследователя. Мы вправе предполагать, что Спасовичу была ясна связь “Медного Всадника” с декабристской проблематикой, поскольку он слишком много говорит о декабристах и отношении к ним Пушкина (с.256, 257, 261–265, 266, 267, 268, 270, 272, 273).

К крупнейшим достижениям Спасовича необходимо отнести и установление им генетического ряда “Моя родослов-

³ В. Александров. “Медный Всадник” (к спорам о значении Пушкина). — Литературный критик, 1936, №10, с. 40; Г. Макогоненко. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 317.

ная” → поэма о Езерском → “Медный Всадник” (с.252). Связь эта, вслед за Спасовичем, понималась такими исследователями, как В. Ледницкий и Инн. Оксенев, но в то же время отрицалась (в отношении “Моей родословной”) почти всеми остальными исследователями⁴.

Виднейшими продолжателями Спасовича по изучению взаимоотношений Пушкина и Мицкевича явились польские ученые Ю. Третяк и В. Ледницкий⁵.

§7. Статья В. Я. Брюсова о “Медном Всаднике” была опубликована в третьем томе издания сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова (изд. Брокгауз и Ефрон) в 1909 году. Это обстоятельство сразу же привлекло к ней повышенное внимание, которого она вполне заслуживала. В отличие от исследования Спасовича, на которое Брюсов не счел нужным опереться, статья последнего не свидетельствует о том, что “Медный Всадник” ему полностью понятен. Но излагая все, что он понял, Брюсов смог во многом опередить своего выдающегося предшественника. Главной заслугой Брюсова явилась констатация в поэме Пушкина двух параллельных смысловых рядов. Первый из них был назван “фабулой”, второй — “содержанием”. Первый ряд, согласно Брюсову, посвящен повести о гибели Параши и Евгения. Во втором ряду “речь идет о чем-то исключительно важном”⁶. Раскрыть это “важное” Брюсов не сумел. Но в научном плане сделал исключительный по своему значению вывод о том, что в первом смысловом ряду мы имеем дело с галлюцинацией Евгения (“Евгению представилось, что Медный Всадник погнался за ним на бронзовом коне”, с. 421), а во втором — “это изображено как реальный факт”, и, таким образом, “в повесть введен элемент сверхъестественного” (с. 422). Эта констатация представляется нам основополагающим научным открытием, показывающим, что второй смысловой ряд имеет выход и в образную ткань произведения. Теория “ребуса” терпит этим самым полное фиаско. Не говорим здесь о том, что

⁴ Waclaw Lednicki. Pushkin's Bronze horseman. Berkeley and Los Angeles, 1955, p. 68; Инн. Оксенев. О символике “Медного Всадника”. — Сб.: “Пушкин. 1833 год”. Л., 1933, с. 50–51.

⁵ J. Tretiak. Mickewicz i Pushkin. Warszawa, 1906.

⁶ В. Брюсов. Избранные сочинения, т.2. М., 1955, с. 422. Далее в тексте указываются страницы по этому изданию:

сцена преследования Евгения является важнейшим моментом поэмы, ее апогеем.

§8. В четвертом разделе первой части статьи Брюсов также, как и Спасович, говорит о декабристах и об отношении к ним Пушкина. Но раздел этот принадлежит к слабейшим сторонам его работы. Эта неудача исследователя явилась одной из основных причин непонимания им того “исключительно важного” (§7), о котором идет речь во втором смысловом ряду. Среди других причин следует отметить то обстоятельство, что Брюсов правильно обратил внимание на весьма важные особенности текста “Медного Всадника”, его категориально-логический язык, но не довел свои наблюдения до конца. Об этом будет сказано ниже.

§9. Впервые прямо указал на связь “Медного Всадника” с восстанием декабристов известный историк Г. В. Вернадский. Выражено это ученым так: “”Медный Всадник” — содержит как бы экстракт мыслей Пушкина о Радищеве: в “Медном Всаднике” есть и предчувствие будущей революции; но больше всего “Медный всадник” есть отражение 14 декабря”⁷.

Однако замечательнее всего в статье Вернадского выделение второго, параллельного смысла в одном из значительнейших мест поэмы, ее посвящении: “Ужасная пора — можно сказать про декабрьские дни 1825 г., потому что ужас не кончился днем 14 декабря — а продолжался долго спустя (допросы, аресты, высылки, казнь). Затем не могло быть в 1833 г. особенно свежо воспоминанье о наводнении 1824 г. — столько событий уже заслонили это воспоминанье. Но память о декабристах для Пушкина несомненно оставалась свежа до последних дней его жизни” (с.654).

Несомненно, что Г. В. Вернадский был хорошо знаком с исследованием Брюсова и правильно уловил его основной тезис.

§10. Непосредственным продолжателем исследований Вернадского явился Д. Д. Благой в его работах 1926–1931 годов. Он успешно распространил членение смысла поэмы на два ряда и на прозаическое предисловие к поэме, показав, что слово “происшествие” официально употреблялось для обозначения событий 14 декабря в С.-Петербурге⁸. Это было принципиально

⁷ Slavia, Ročník 11, Seš. 4, 1924, s. 650.

⁸ Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Второе дополненное издание. М., 1931, с.268–269.

важно, так как в дальнейшем подобное членение было распространено и на авторские примечания к тексту поэмы. Однако в работах указанных лет Д. Д. Благой допустил грубую ошибку в истолковании замысла Пушкина. По его мнению “Медный Всадник” является “интеллектуальным осуждением дела декабристов” как “безумия”⁹. По поводу “Медного Всадника” им говорится: “Политическое поправление Пушкина несомненно”¹⁰. В окончательной форме все это было выражено ученым так: “Отвлеченная мысль о ”неразумности”, “безумии” заговора и восстания декабристов, мысль, в которой Пушкин утверждался чем дальше, тем упорнее (см. заключительные строки добавочной главы к “Капитанской дочке”), и была воплощена им, согласно законам художественного творчества, в живой образ конкретного “безумца” Евгения”¹¹.

Как будет показано ниже, “безумие” Евгения и вся приниженность его образа ни в малой степени не должны были принизить и осудить дела декабристов.

§11. В книге Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) “Ритм как диалектика и ”Медный Всадник” (М., 1929) применен совсем иного порядка метод, основанный преимущественно на интуиции. Однако истолкование поэмы Пушкина здесь в значительной мере совпадает с положительными результатами Г. В. Вернадского и Д. Д. Благого. Евгений — один из декабристов и в то же время сам Пушкин (с.173, 192, 194). Новинкой явилось категорическое утверждение, что Медный Всадник — Николай I (с.194, 200). Поэтому и “ужасная пора” — “николаевский режим” (с.196).

Вместе с книгой Д. Д. Благого кропотливый труд Белого немало способствовал компрометации декабристского содержания пушкинской поэмы. Тем не менее указания Белого на наличие в “Медном Всаднике” элементов “шифра” (в частности, Вступление к поэме — “хитросплетение шифра”, с.196) оказали несомненное влияние на позднейшую исследовательскую мысль. Так, например, В. Л. Комарович в 1937 году писал: “Пушкин, вообще любитель и мастер мистификации, в данном

⁹ Д. Благой. Миф Пушкина о декабристах. — Печать и революция, 1926, кн. 5, с. 31 и 30.

¹⁰ Д. Благой. Классовое самосознание Пушкина. М., 1927, с. 68.

¹¹ Д. Благой. Социология творчества ..., 1931, с. 281.

случае "занавесил", по выражению Спасовича, "основную мысль поэмы" особенно, надо полагать, тщательно. И дразнящая неуловимость ее тем досадней, что ведь "Медный Всадник" последняя из поэм Пушкина, последнее его "слово" на поэтическом языке особо излюбленного им жанра... Неуловимость эта — результат приспособления Пушкиным своей поэмы к требованиям царской цензуры — никак не входила, однако, в его расчеты на оценку и понимание поэмы в сколько-нибудь отдаленном от него будущем; избавиться от нее поэтому не невозможно. И если сделать это пока не удалось, то виной тому, кроме вынужденной мистификации Пушкина, также и приемы самих истолкований"¹².

§12. Последовавший за этим длительный период уклонения от декабристской трактовки "Медного Всадника" имел и несомненно позитивные результаты. Тщательно изучались автографы поэмы и ее связь с поэмой о Езерском (С. М. Бонди, О. С. Соловьева). Преобладали же результаты негативные, поскольку чем дальше, тем больше выяснялась невозможность объяснения всех особенностей текста поэмы трактовками иного рода. Это было констатировано, в частности, в содержательной статье А. И. Гербстмана. Однако его собственная попытка "заново прочесть поэму"¹³ оказалась не более успешной.

Исследователи, как правило, старались почти совсем не вспоминать о декабристах и опытах декабристского истолкования поэмы. В тех же случаях, когда о декабристах вспоминали, критика декабристской трактовки никакого серьезного обоснования не получала. Например, в связи с подготовкой к юбилею 1949 года Е. Н. Купреянова в отдельно изданной брошюре писала: "Так, до сих пор еще существует мнение, что "Медный Всадник" является иносказательным изображением трагедии декабрьского восстания 1825 года. Это предположение носит характер отгадки. Доказать его невозможно, так как непосредственно из текста поэмы оно не вытекает и со всей системой образов "Медного Всадника" до конца не согласуется"¹⁴. Но если

¹² В. Л. Комарович. О "Медном Всаднике". — Литературный современник, 1937, №2, с. 205.

¹³ А. И. Гербстман. О сюжете и образах "Медного Всадника". Русская литература, 1963, №4, с. 77.

¹⁴ Е. Н. Купреянова. "Медный Всадник" А. С. Пушкина. Л., 1947, с.3–4.

“Медный Всадник” — поэма-загадка (§2), то ничего дурного ведь в “отгадке” быть не может. Она естественна. Что же касается до второго утверждения (“до конца не согласуется”), то его нужно было доказать. Из дальнейшего изложения будет видно, что “все согласуется”.

§13. В посмертно опубликованной и уже трижды перепечатанной незавершенной работе А. А. Ахматовой “Пушкин и Невское взморье” блестяще возрождается декабристская трактовка “Медного Всадника”¹⁵. Ставя перед собою ограниченные задачи, исследовательница успешно вскрывает второй смысловой ряд в эпилоге поэмы. На XXIV пушкинской конференции была сделана попытка подвергнуть выводы Ахматовой сомнению¹⁶. Неосновательность этой попытки будет разъяснена нами ниже.

В книге И. В. Сергиевского “А. С. Пушкин”, с некоторым опозданием вышедшей к юбилею 1949 года, о “Медном Всаднике” сказано так: “Во всем своем величии встает образ Петра в “Медном Всаднике” — одном из глубочайших и вместе с тем одним из самых сложных, самых “зашифрованных” созданий Пушкина. Богатая символика поэмы открывает широкую возможность для самых разнообразных догадок и домыслов, — ни одно из произведений Пушкина не вызывало столь многочисленных и противоречивых толкований, как эта его “петербургская повесть”. При всем том, подлинный смысл ее, по сути дела, до сих пор остается неразгаданным до конца”¹⁷. Здесь без большого труда можно усмотреть связь с точками зрения В. Д. Спасовича, А. Белого и других исследователей, отнесенных нами ко второй группе (§1). Но в то же время Сергиевский не разрабатывал данных о связи поэмы Пушкина с восстанием декабристов.

Нельзя не отметить также очень своеобразное исследование Е. А. Тоддес, опубликованное в 1968 году. В “загадочности” пушкинской поэмы автор видит “объективное свойство данной художественной структуры, как результат осуществления определенного воздействия на читателя”¹⁸. Однако новый

15 “Литературная газета”, 1969, №23, с. 7.

16 Доклад А. Е. Тархова “К интерпретации поэмы “Медный Всадник”.

17 И. Сергиевский. А. С. Пушкин. М., 1950, с.135.

18 Е. А. Тоддес. К изучению “Медного Всадника” — Пушкинский сборник. (Ученые записки Латвийского гос. университета им. П. Стучки, т.106). Рига, 1968, с.93.

вывод этот не помогает автору отойти от традиционного понимания поэмы. Самое большое, чего достигает автор, — мысли о том, что “в интерпретацию Белинского действительно должны быть внесены существенные коррективы” (там же).

§14. Следует согласиться с тем, что опубликованные со времен В. Д. Спасовича аргументы в пользу декабристской трактовки пушкинской поэмы сами по себе недостаточны, несмотря на то, что все они друг с другом согласуются и друг друга восполняют. Только В. Я. Брюсов сделал попытку глубже проникнуть в сущность смысловой структуры “Медного Всадника” (§8). Как это ни странно, роковым препятствием на этом пути вновь оказался тот самый образ графа Хвостова, который некогда привел Белинского к ошибочному выводу о незавершенности поэмы Пушкина¹⁹. Брюсов правильно обратил внимание на безымянность Петра (в начале Вступления) и некоторых других персонажей поэмы. Но следовало пойти дальше и признать, что перед нами во втором смысловом ряду поэмы четко обозначенные логические категории. Другими словами, природа второго смыслового ряда “Медного Всадника” прежде всего умозрительно-логическая, в то время как в первом ряду эйдологические средства почти полностью подавляют умозрительный элемент. Основными категориями Пушкин избрал ряды

Историческое — неисторическое (вымышленное)

Имя — безымянное

Действие — бездействие.

При помощи названных и некоторых других категорий смысл второго ряда приобретает черты предельной определенности, исключающей какую-нибудь неясность и двусмысленность. Это обстоятельство и придает ему свойства объективности и доказательности.

Ниже мы ответим на вопрос — мог ли современник Пушкина обратить внимание на названные категории и понять конструируемый при их помощи смысл? А сейчас попробуем вникнуть в особенности замысла поэта и его реализации. Такое конкретное рассмотрение поможет ответу и на первый вопрос.

¹⁹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7, 1955, с. 548.

§15. Обращение к тексту поэмы прежде всего ставит перед нами вопрос об авторском его членении. Пушкин разделил его прежде всего на четыре части — Вступление, две части, заключение²⁰. В печатающихся ныне текстах заключение (эпилог) слилось со второй частью поэмы без наличия прямого указания на это со стороны автора. В пределах этих четырех частей Пушкин наметил и более дробное деление. Исследователи неоднократно занимались этим вопросом, но решали его по-разному. Д. Д. Благой (1931) нашел в поэме 7 компонентов, С. Б. Рудakov (1941) — 15, Н. С. Поспелов — 18²¹.

Изучение белого автографа поэмы показывает, что текст ее подразделяется на 12 компонентов, что, как мы увидим далее, имеет свой смысл и согласуется с более широким замыслом Пушкина. Компоненты эти таковы:

1. Строки 1 – 20. Петр Великий.
2. Строки 21 – 42. Петербург через сто лет.
3. Строки 43 – 83. Любовь Пушкина к Петербургу.
4. Строки 84 – 96. Здравница и посвящение.
5. Строки 97 – 167. Мечты Евгения.
6. Строки 167 – 219. Наводнение.
7. Строки 220 – 259. Евгений на льве.
8. Строки 260 – 324. Безумие Евгения.
9. Строки 324 – 347. Утро после наводнения.
10. Строки 348 – 455. Евгений и Медный Всадник.
11. Строки 456 – 464. Муки Евгения.
12. Строки 464 – 481. Эпилог.

§16. Рассмотрение уже первых компонентов стихотворного текста “Медного Всадника” отчетливо раскрывает замысел поэмы-загадки и выявляет важные для второго смыслового ряда категории.

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред Ним широко
Река неслася;

По правилам орфографии тех лет эти выделенные пропис-

²⁰ А. С. Пушкин. Медный Всадник. СПб., 1923, с.53.

²¹ Н. С. Поспелов. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960, с.172–174.

ной буквой местоимения Он и Ним, поскольку при них отсутствует пояснительный контекст, могут означать только Бога-отца или Бога-сына, то есть Иисуса Христа. На этом основании известный литературовед и исследователь Петербурга Н. П. Анциферов утверждал, что здесь имеется в виду Бог-отец²². Согласиться с подобным выводом нельзя, так как все данные текста поэмы Пушкина свидетельствуют о том, что в начале вступления подразумевается Христос. Существенно при этом отметить, что некоторые советские текстологи понимали важность этого момента и сохраняли в своих изданиях прописные буквы. Наибольшее значение из них имеет юбилейное (1936) издание "Academia". Однако в академических изданиях 1948–1957 годов прописная буква в указанных местоимениях отсутствует.

Таким образом, в первых пяти или даже семи строках вступления имеется в виду Иисус Христос, который после этого предстает в образе Петра Первого в исторических условиях весны 1703 года. Но имени Петра поэт и теперь не называет. Следовательно, перед читателем уже в самом начале (не считая загадочного названия поэмы) возникают сразу три загадки: кто такой Он? почему образ Христа соединен с образом Петра? почему имя Петра не называется?

В первой строке второго компонента Пушкин дает препарированную цитату из поэмы "Полтава" (Прошло сто лет, и ...), что имеет совершенно определенную цель. А именно, он ею подчеркивает свою загадку, напоминая о том, что в "Полтаве" имя Петра постоянно называется (Полки увидели Петра; Пирует Петр. И горд и т.п.).

Почему же в первом компоненте поэмы имя Петра отсутствует? Этот важнейший для понимания "Медного Всадника" вопрос был поставлен уже Брюсовым (§14), обратившим свое внимание на то, что это не изолированное в пушкинской поэме явление.

Загадочность ситуации увеличивается в начале третьего компонента, поскольку в первой же его строке имя Петра беспрепятственно появляется.

Всеми этими средствами ("приемами", как сказали бы формалисты 1920-х годов) Пушкин одновременно выделяет катего-

²² Н. Анциферов. Быль и миф Петербурга. П., 1924, с.67.

рии имени и действия, так как когда Петр действует (компонент 1) — он лишен имени, а когда бездействует (3) — имя его появляется. Забегая вперед, прямо скажем, что лишение (хотя бы и временное или частичное) имени лимитирует роль персонажа в поэме, отодвигает его на второй план. Таким образом категориальные средства в поэме имеют неограниченные возможности для ее осмысления. С другой стороны, категория действия играет не менее важную роль. Именно действующий, то есть скачущий за Евгением, Медный Всадник, в отличие от неподвижно стоящего памятника Петру, является императором Николаем I. Все это многосторонне поясняется поэтом читателю. В частности, тождество действующего Медного Всадника с Николаем показывается четырьмя различными способами, что полностью исключает возможность сомнения в сущности замысла Пушкина.

§17. Роль противостоящих друг другу категорий “историческое — неисторическое” неразрывно связана с функцией других категорий. То, что обычно остается незаметным при восприятии читателем первого смыслового ряда и даже не комментируется литературоведами в популярных и академических изданиях, во втором смысловом ряду приобретает в полном смысле слова чрезвычайное значение. Исключив из текста поэмы Екатерину II, Державина, Павла I, сенатора Толстого, Пушкин оставил вокруг Медного Всадника ровно двенадцать исторических персонажей, которые в своей совокупности принудительно раскрывают в нем облик Николая I. При этом поразителен не только подбор этих исторических лиц, столь характерных для окружения Николая, но и способ введения их в текст поэмы. Пользуясь категорией подразумевания, столь важной для осмысления сложного образа Медного Всадника, Пушкин вводит в поэму образы генералов Милорадовича и Бенкендорфа. Полнощная царица — императрица Александра Федоровна, супруга Николая, фигурировавшая уже в “Евгении Онегине” в образе Лаллы Рук²³. Трое ее сыновей, родившихся с 1827 по 1832 год, вводятся в поэму посредством умозаключения по аналогии, то есть чисто логическим путем. Следует оговориться,

²³ Раскрытие образа “полнощной царицы” впервые дано в нашем докладе “Пушкин и Катенин” (1958), прочитанном в ИРЛИ АН СССР. Опубликовано А. Менье в 1959 г. в комментариях к переводу “Медного Всадника” на французский язык (A. Pouchkine. Le Cavalier de bronze. Paris, 1959, p. 40).

что подобные умозаключения неизменно являлись предметом рассмотрения в курсах логики той эпохи, оригинальных и переводных. Таковы курсы Александра Лубкина 1807 года, Петра Лодия 1815 года, Рождественского 1826 года, Баумейстера, Кизеветтера, Фридриха Бахмана. Особенный интерес к подобным умозаключениям проявлял А. И. Галич, учитель Пушкина по лицу, сдавший в печать свою логику именно в 1830 году, когда была написана “Моя родословная”, явившаяся первообразом будущего “Медного Всадника”.

В свете вышесказанного очевидно значение того факта, что наличие в тексте образа императора Николая I и в “Моей родословной” и в “Медном Всаднике” доказывается одним и тем же логическим способом. Документируем этот важнейший вывод. В “Медном Всаднике” мы читаем:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Здесь даны три ряда повторяющихся событий: невский ледоход, победа русских войск над врагом (т.е. над персами, турками, поляками), рождение царского сына. Все они приравнены поэтом по периодичности, причем периодичность невского ледохода имеет абсолютный и общеизвестный характер. Подразумевается, что победы русских войск постоянны, то есть ежегодны. С этими двумя рядами сближается и повторяемость рождения царских сыновей, тем более, что последние двое из них были погодками (Николай родился в 1831 году, Михаил — в 1832). А присутствие в тексте поэмы императрицы и трех ее младших сыновей неопровержимо свидетельствовало и о присутствии самого Николая I, поскольку к его семейному очагу доступ без его ведома и согласия был невозможен.

Насколько острым был политический смысл “Моей родословной” видно из того, что ведущая тема этой небольшой поэмы — цареубийство. За умысел на убийство императора (тогда еще царя) Петра I Федор Матвеевич Пушкин был обезглавлен. Борьба Льва Александровича Пушкина с Екатериной II и ее

подручными также была связана с царубийством. Таким образом полная аналогия требует, чтобы поэт Пушкин был не только потенциальным царубийцей, каковыми были наиболее решительные из декабристов, но и сторонником легальной позиции, которой придерживались декабристы, так или иначе защищая права великого князя Константина Павловича на престолонаследие. Другими словами, декабристское содержание “Моей родословной” присутствует в ней не вообще, а именно в связи с личностью поэта Пушкина и наличием конфликта между ним и императором Николаем.

“Мою родословную” Пушкин опубликовать не решился. Этим объясняется тот факт, что в “Медном Всаднике” умозаключение по аналогии применено не лично к Николаю, а к его малолетним сыновьям.

§18. Второе доказательство идентичности действующего Медного Всадника и личности Николая состоит в том, что все окружение его, за исключением трех малышей, так или иначе связано с событиями 14 декабря 1825 года. Граф М. А. Милорадович в этот день отдал за Николая свою жизнь. Придворный историограф Н. М. Карамзин, рискуя жизнью, вышел на площадь уговаривать восставших. А. Х. Бенкендорф руководил подавлением мятежа. Императрица Александра проявила в этот день такую расторопность, что историки восстания вынуждены говорить о ней²⁴. Александр I (его смерть) был непосредственной причиной всех событий. Пушкин в 1826 году лично заявил Николаю, что, будучи 14 декабря на площади, был бы с восставшими²⁵. Петр I присутствовал в центре событий в качестве монумента. Характер действий графа Д. И. Хвостова в день 14 декабря документально до сих пор не прояснен. С точки зрения Пушкина, его роль в поэме гораздо важнее, о чем будет сказано ниже. Роль самого Николая в день 14 декабря хорошо известна: в качестве всадника он находился на площади и проявлял многостороннюю инициативу²⁶.

§19. Возникает вопрос — где же сами декабристы? Почему так много защитников Николая?

²⁴ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т.2, 1955, с.289, 303.

²⁵ Н. Лернер. Труды и дни Пушкина. Второе, исправленное и дополненное издание. СПб., 1910, с.140.

²⁶ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т.2., с.289, 291, 293.

Пушкин еще не знал теорию множеств, хотя она и возникла именно в его эпоху, но хорошо разбирался в мощных средствах логики. Поскольку второй смысловой ряд поэмы зиждется на логической основе, не приходится удивляться тому, что Евгений обозначает логическую совокупность всех осужденных по делу о тайных обществах. Уже говорилось о том, что категория имени в поэме играет особо важную регулирующую роль (§16). Вымышленная, неисторическая, внешняя сторона образа Евгения для Пушкина не важна, что и подчеркивается словами “прозванья (то есть фамилии, А.М.) нам его не нужно”. К тому же и имя присвоено Евгению в условной форме (“Мы будем ... звать”). А вот сущность образа Евгения для Пушкина чрезвычайно важна, и ее поэт рассматривает как историческую. Чтобы дать понять это читателю, он обращается за помощью к новейшему открытию Шампольона, указавшего на наличие в древнеегипетской письменности особого класса знаков, являвшихся детерминативами, то есть определителями содержания слов. Такие детерминативы имелись для обозначения растений, деревьев, мужчин, женщин, отвлеченных понятий и т.д. В качестве детерминатива историчности Пушкин избрал имя наиболее известного в то время и к тому же официального историографа — Карамзина²⁷.

Декабристов представляет в “Медном Всаднике” один Евгений и по другой причине. Чем меньше восставших, тем меньше их вина. Пушкин сводит к минимуму не только это количество, но и само проявление мятежа. Тем разительнее, по замыслу Пушкина, несоответствие вины восставших постигшей их каре. Это и давало возможность требовать полной амнистии всех осужденных по делу о тайных обществах. Именно для этой цели в поэме присутствует младший сын Николая I Михаил, в связи с рождением которого (13 октября 1832 г.) 8 ноября 1832 года Николай I обнародовал указ о сокращении срока пребывания на каторге на пять лет шестидесяти семи осужденным по делу о тайных обществах. Таким образом главная задача

²⁷ Открытие Шампольона было опубликовано в середине двадцатых годов. См.: Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Изд. АН СССР, 1950, с.219–220. Необыкновенная осведомленность Пушкина в успехах различных наук обстоятельно доказана акад. М. П. Алексеевым в его труде “Пушкин и наука его времени” (см. книгу: М. П. Алексеев. Пушкин. Л., 1972).

Пушкина в “Медном Всаднике” носила чисто политический характер. А так как требование амнистии включено в острейший памфлет на императора Николая, то о никак не замаскированной форме изложения, разумеется, не могло быть и речи. Запрещение Николаем даже такой формы подтвердило правильность поисков Пушкина.

§20. Мы рассмотрели уже два способа, которыми Пушкин старался показать читателю Николая I в образе скачущего Медного Всадника. Третий способ был наиболее наглядным. Поэт нарисовал сцену конфликта между Медным Всадником и Евгением на Петровской площади, которую точно датировал 14 декабря. Сцена погони Медного Всадника за жалким Евгением логически и образно соответствовала событиям 14 декабря и последующим гонениям Николая против участников восстания.

Техника датировки конфликта в поэме представляет особый интерес. В десятом компоненте поэмы о ходе времени говорится так:

Прошла неделя, месяц

Для правильного понимания приведенных слов крайне важно учесть, что перед нами препарированная цитата из басни Крылова “Бедный Богач” (1829):

Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год.

Если не считать предусмотрительно опущенного Пушкиным “года”, смысл обеих строк одинаков: проходит месяц. Однако это только на первый взгляд, так как пушкинский вариант крыловского текста имеет двойной смысл. Помимо смысла первого ряда, у Пушкина подразумеваются опущенные слова “потом еще”:

Прошла неделя, потом еще месяц.

Другими словами, это уже не месяц, а “неделя + месяц”. В результате, если добавить полученный срок к дате описанного перед этим петербургского наводнения 7 ноября 1824 года, мы получим весьма красноречивую дату: 14 декабря.

А если бы крыловское слово “год” опущено не было, мы имели бы дело с датой “14 декабря 1825 года”. Разумеется, это было бы слишком рискованно, в связи с чем задачу восполнения опущенного слова Пушкину пришлось решать описательно.

При этом полностью сохранялось разделение двух смысловых рядов. Слова поэмы:

Дни лета
Клонились к осени

с одной стороны означали, что прошла зима, прошла весна, а лето 1825 года достигло первых чисел сентября (так как с 9 числа этого месяца начинается осень). Таков смысл в первом ряду, что подтверждается расчетами П. Г. Антокольского²⁸.

С другой стороны, приведенные слова содержат и совсем иной смысл. “Дни лета” — это “дни года”. Как раз в этом смысле слово “лето” употреблено в надписи на скульптуре Фальконе. Слово “поздней” пропущено, как до этого были пропущены слова “потом еще” и как в обоих смысловых рядах было пропущено довольно много месяцев, а в итоге смысл получился такой:

Дни года
Клонились к поздней осени.

Это означало половину декабря 1825 года, что и требовалось Пушкину.

Констатируем здесь принижение поэтом первого смыслового ряда, так как даты “7 декабря” и “начало сентября” в одинаковой степени бессмысленны.

§21. Переходим к последнему, четвертому способу идентификации образа действующего Медного Всадника с императором Николаем. Пушкин придавал ему наибольшее значение. Еще до начала работы над “Медным Всадником” Пушкин общился к изучению документальных материалов по истории восстания Пугачева. Таким образом в эту эпоху поэт превосходно отдавал себе отчет в историческом и юридическом значении документов. Поэтому когда возникла возможность поставить идентификацию на документальную основу, Пушкин ее максимально использовал. В 1832 году Николай I был занят возведением Александровской колонны, одного из чудес архитектуры той эпохи. Слова Евгения:

“Добро, строитель чудотворный!”

²⁸ П. Г. Антокольский. “Медный Всадник”. — “Октябрь”, 1960, №2, с.209. Перепечатано в его книге “Пути поэтов”, М., 1965.

являются непосредственным откликом на это событие (во втором ряду). Однако отклик этот не единственный.

В связи с установкой колонны на постамент наиболее авторитетная газета тех лет, «С.-Петербургские ведомости», 22 июля 1832 года опубликовала следующую «Надпись к гранитной колонне для монумента императора Александра I»:

Питомец Севера, сын грозных природы
Гранит — тяжеловес, единствен и высок;
Глава утеса там, небесные где своды,
Подошва — нутрь земли, где вод кипит поток.
На Бельта раменах, по воле Николая,
Гора чудесная в Петрополь приплыла —
В потомстве прославлять, святыни луч являя,
Вновь, Александр, твои бессмертные дела.

Какое значение придавала приведенному тексту редакция газеты и автор, граф Д. И. Хвостов, видно из того, что в том же номере газеты был напечатан и перевод его на древнегреческий язык, язык бессмертия. Этот последний факт объясняет нам следующие строки «Медного Всадника»:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Ирония — таков смысл приведенных стихов в первом смысловом ряду пушкинской поэмы.

Однако Николай I изменил свое решение и Хвостову пришлось писать вторую надпись существенно иного содержания. Опубликована она была в той же газете в день подъема колонны — 30 августа 1832 года. На этот раз текст ее гласил:

Гранит единственный в день Невского героя
Среди Петрополя главу свою подъял.
Пред ним Траянов столп, доселе дивный, мал:
Тот пышной суетой Рим гордый изумляет,
Здесь благость двух Царей Россия прославляет.

Этим самым Александровская колонна стала монументом и в честь Николая I, его образ стал компонентом ее содержания.

И вновь опираясь на метод аналогии, Пушкин перенес образ Николая из воздвигаемого монумента в памятник работы

Фальконе. Этому способствовали столичные газеты того времени, усиленно писавшие о поразительном сходстве Петра I и Николая²⁹.

Именно поэтому граф Хвостов — единственный персонаж “Медного Всадника”, имеющий имя и действующий.

§22. Не имея возможности в небольшой статье изложить весь связанный с проблемой истолкования “Медного Всадника” фактический материал, ответим кратко на важнейшие из вопросов, возникающих в связи с изложенным выше. Какова природа второго смыслового ряда поэмы Пушкина, не является ли он подтекстом первого ряда? Имеет ли второй ряд свой стиль? Каковы взаимоотношения обоих рядов?

§23. Второй смысловой ряд не может быть подтекстом уже по одному тому, что обладает своим собственным и даже развернутым подтекстом. Связано это явление с той общей особенностью структуры второго смыслового ряда, ее умозрительно-логической природой, которая уже была отмечена выше (§14). Подтекст второго смыслового ряда продолжает мотивы “Гавриилиады”. Образ Иисуса Христа принижается тем, что ассоциируется с отрицательным образом Николая I. Но отсюда — число исторических лиц в окружении Медного Всадника, раскрывающих его как Николая. Отсюда — наличие среди “апостолов” женщины, опирающееся на присутствие женщины в некоторых картинах, изображающих тайную вечерю. Отсюда — некоторые мотивы, оскорбительные для чести Николая I³⁰ (ответ Пушкина на ухаживания императора за Наталией Николаевной). Сцена конфликта в свете этого подтекста воспринимается в качестве религиозного ропота, ропота на Бога. Кстати сказать, бессвязную обвинительную речь Евгения, направленную против Медного Всадника, исследователи неоднократно воспринимали как ропот. Таковы В. В. Сиповский до революции, Н. К. Пиксанов в наше время.

§24. Второй смысловой ряд поэмы является полноправным сотекстом. В стилистическом плане это отчетливо выраженная фантасмагория. О том содержании, которое мог вкла-

29 “Северная пчела”, 1832, 4 октября. Перепечатано другими газетами.

30 Связано это с фиксированным логическим порядком исторических лиц в окружении Николая I: Александра Федоровна здесь рядом с Пушкиным, далее следуют ее сыновья.

дывать в это понятие Пушкин, некоторое представление дает нам определение Большого академического словаря русского языка, составленное на основании высказываний Гоголя и других писателей первой половины XIX столетия: “нечто нереальное, призрачное, существующее лишь в мечтах, в воображении; причудливое, необычное соединение, смешение чего-либо”³¹. Если в своих логических построениях второго ряда Пушкин крайне точен, что он и декларирует в своем примечании к поэме, то по этим законам фантазмагии в “Медном Всаднике” причудливо соединены явления действительности с нереальными образами, своего рода призраками; нарушены пропорции, количественные соотношения причудливо изменены. Действительно, остров Голодай при Пушкине был почти не застроен и покрыт лесом. По размерам он является большим. А в пушкинской поэме мы находим:

Остров малый
На взморье виден.
.....
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки.

Приведенное описание острова является в поэме одним из наиболее зримых выражений фантазмагорического восприятия, несмотря на его внешнюю реалистичность. Характерность его для поэмы подтверждается фактом фантазмагорического превращения большого (порядка нескольких тысяч) количества участников восстания на Петровской (Сенатской) площади в одного жалкого безумца. Не менее ярким проявлением фантазмагии должна быть признана сцена преследования Евгения. В значительной мере созвучно фантазмагии и описание наводнения.

§25. Нами уже отмечались некоторые проявления принижения Пушкиным первого смыслового ряда перед вторым (§20). Но таких проявлений гораздо больше, причем они затрагивают самую сердцевину первого ряда.

Как известно, содержание повести Пушкина в первом смысловом ряду сводится к попытке Евгения отомстить Петру I,

³¹ Словарь современного русского литературного языка, т.16. М.-Л., 1964, столбцы 1248-1249. Автор статьи – Е. Э. Биржакова.

избравшему для строительства города местность, заливаемую водой. Предполагается, что автор вместе с Евгением и читателем скорбит по поводу гибели Параша. Однако путем логики, путем расширения понятий (наводнение — климатические условия), Пушкин подрывает устои первого ряда. Как бы забывая о гибели девушек, подобных Параше и Елизавете Кульман, он пишет:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз...

Вместе с тем Пушкин пытается обратить внимание читателя на несходство образа Параша с Парашей из “Домика в Коломне”. При имени Параша стоит “домик” (ст.245), при имени Евгения — “в Коломне” (ст.119). Сравнить обеих Параш нельзя, так как полнокровный и развернутый образ героини “Домика в Коломне” не с чем сравнивать: в “Медном Всаднике” мы по существу находим только призрак из фантазмагии. Достаточно сказать, что составители весьма обстоятельного “Словаря литературных типов” определили “образ” Параша как “упоминаемое лицо”³². Во всяком случае не может быть оспорен тот факт, что наиболее соответствует понятию “образ” данные той части текста поэмы, связанного с именем Параша, которая излагает мечты Евгения. Эта часть текста до настоящего времени не установлена (§4). В другом месте Параша уже прямо называется “мечтой” Евгения (ст.247 по изданию 1957 г.). Слова “мечта” и “призрак” в эпоху Пушкина входили в один синонимический ряд. Необходимо сделать решительный вывод о том, что все это сделано Пушкиным сознательно, для принижения первого смыслового ряда, для того, чтобы читатель скорее обратился к пониманию существа замышленного.

§26. В этом содержится очень существенное противоречие поэмы Пушкина, поскольку второй смысловой ряд неразрывно связан с первым. Жалкая судьба жалкого человечка, Евгения, призвана нанести страшный удар по репутации Николая I, по его бесчеловечной жестокости. Это изумительно выражено в знаменитой иллюстрации А. Н. Бенуа, созданной в 1905 году,

³² Типы Пушкина (Словарь литературных типов. Пушкин). Редакция Н. Д. Носкова при сотрудничестве С. И. Поварнина. СПб., 1912, с.128.

по завершении им в 1904 году всего цикла иллюстраций к “Медному Всаднику”.

§27. Наиболее поучительны из работ первой группы (§1) те, которые внимательно анализируют соотношение образов Петра I и Медного Всадника. Таковы работы С. И. Леушевой, П. Т. Саакян, С. М. Петрова и некоторых других исследователей. Они или вынуждены приблизиться к признанию присутствия в поэме образа Николая (С. М. Петров) или запутаться в противоречиях (С. И. Леушева). Характерно утверждение последней: “Образ Петра Великого непосредственно с событиями “повести” не связан и разворачивается не в сюжете, а во “Вступлении”, во внесюжетном лирическом повествовании”³³.

§28. Отвечая на вопрос, поставленный нами в §14, следует указать на известное стихотворение двадцатилетнего Аполлона Майкова “Кто он?”. Оно было написано в 1841 году в связи с первой публикацией “Медного Всадника” в сочинениях Пушкина. Стихотворение это развивает мотивы первого компонента поэмы Пушкина и свидетельствует о самом главном: Майков прекрасно понял, что он имеет дело с поэмой-загадкой. Между тем текст “Медного Всадника” в то время был еще предельно искаженным. Приблизился текст поэмы к авторскому замыслу лишь к шестидесятым годам, когда события 1832 года были уже совершенно забыты. Это и явилось причиной столь затянувшегося непонимания последней поэмы Пушкина.

§29. Весьма выразительные слова Вступления

Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье

Пушкин не решился включить в текст, переданный Николаю I для разрешения к печати. Слова двусмысленны, но на фоне всего текста поэмы могут иметь только один смысл: “Медный Всадник” является политической акцией в интересах осужденных декабристов. Осторожный Г. В. Вернадский не решился увидеть в “друзьях моих” декабристов. Между тем уже В. Д. Спасович в своей работе дважды, хотя и глухо, говорил об амнистии декабристов, то есть о том, что составило основную политическую цель Пушкина в “Медном Всаднике”.

³³ С. Леушева. Поэма Пушкина “Медный Всадник”. — Сб.: Пушкин в школе. М., 1951, с.364.

§30. Обобщая все изложенное выше, следует сделать итоговый вывод о природе второго смыслового ряда поэмы “Медный Всадник”. Этот смысл имеет все признаки явления объективного и определенного (§§ 14, 16 и 24). При его установлении нет необходимости в гипотезах и предположениях. Требуется лишь предельно пристальное внимание ко всем многочисленным особенностям текста поэмы. Каждая из таких особенностей в условиях изолированного рассмотрения остается неясной и как будто случайной. Но в своей совокупности эти разрозненные звенья формируют совершенно определенный смысл, раскрывающий сущность острого политического замысла поэта.

Разумеется, степень объективации отдельных звеньев второго смыслового ряда не является величиной постоянной. Однако метод “пунктира”, примененный Пушкиным при установлении даты “14 декабря 1825 года” (§20), не снижает точности и определенности самой даты. Тем более, что самый этот метод в данном случае распространяется и на первый смысловой ряд. Но в то же время метод “пунктира” предполагает пропуск в тексте существенно важных элементов. Наименее отделен словесными средствами образ Евгения от логически мыслимого множества участников декабрьского восстания. Здесь как бы разрыв в тексте. Однако все это без труда объясняется той важнейшей функцией, которая придана образу Евгения во втором смысловом ряду (преследование его императором Николаем). В этой части текста происходит как бы слияние первого и второго смысловых рядов.

Таким образом второй смысловой ряд формируется Пушкиным различными средствами. Метод “наглядный” (реальность двенадцати исторических лиц) сочетается с определенностью логического порядка. Все эти разнообразные по своей природе звенья второго смыслового ряда в равной мере (по замыслу Пушкина: об этом говорится в третьем примечании к поэме) отвечают требованиям принципа точности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Статья «Проблема истолкования поэмы Пушкина “Медный Всадник”» (1976) восходит к статье 1972 года «“Медный Всадник” Пушкина в свете новых данных». Последнюю статью в 1973 г. в течение нескольких месяцев изучал академик М. П. Алексеев, написавший 30 октября 1973 года о ней следующий “Отзыв”:

«Работа А. П. Могилянского о “Медном Всаднике” Пушкина представляет несомненный интерес, хотя и несвободна от спорных положений, требующих дальнейшего пристального изучения. Всякая работа о крупнейших произведениях великого русского поэта, тем более основывающаяся на новых данных и соображениях, должна быть напечатана, так как она будет содействовать лучшему их пониманию и способствовать дальнейшему их исследованию.

Академик М. Алексеев
30 октября 1973 г.»

Этот отзыв вскоре был дополнен следующей “Справкой”:

«Настоящим подтверждаю, что статья А. П. Могилянского «“Медный Всадник” Пушкина в свете новых данных», с моей точки зрения, может быть напечатана в советской и зарубежной печати.

Академик М. Алексеев
Ленинград
11.XI.73.»

В 1976 году статья «“Медный Всадник” Пушкина в свете новых данных» была изложена в параграфах и в объеме одного печатного листа (24 с.) согласно договоренности представлена для опубликования в “Известиях Отделения литературы и языка АН СССР”. Через некоторое время, по предложению академика Г. В. Степанова, статья была дополнена до 30 страниц (§§ 24, 26 и частично некоторые другие). В таком виде она была одобрена Г. В. Степановым к печати. Публикации помешала его преждевременная смерть.

До этого статья о “Медном Всаднике” была одобрена В. Г. Базановым для опубликования в журнале “Русская литература” при условии удаления из ее текста ссылки на стих о

морозе (см. §25). С нашей стороны последовал отказ ввиду важности этого места для понимания поэмы Пушкина.

В 1982–83 годах наша работа о “Медном Всаднике” проходила экспертизу в Ленинградском научно-исследовательском вычислительном центре АН СССР. В мае 1983 г. нами было получено следующее “Заключение”:

«В лабораторию автоматизации исследований ЛНИВЦ АН СССР были представлены материалы А. П. Могилянского о наличии второго смысла в произведении А. С. Пушкина “Медный Всадник”. Проведенные исследования по текстологическому анализу представленных материалов позволяют сделать вывод о непротиворечивости предложенной А. П. Могилянским гипотезы.

Материалы исследований печатаются.

Зав. лабораторией автоматизации исследований
доктор технических наук профессор
В. В. Александров
30.V.83.»

Результаты исследований опубликованы в издании: V. V. Alexandrov, A. V. Arsenyeva. Dialogue structure. Part 1–2. Leningrad, 1984. 44 а. 44 р.

Из докладов, прочитанных в течение 1971–1982 гг. должны быть отмечены:

- 1) 1971, VII, 15. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.
- 2) 1972, II. Ленинградский Дом ученых им. А. М. Горького.
- 3) 1972, V, 12. Гослитмузей (Москва).
- 4) 1972, VI. Домик Лермонтова (Пятигорск).
- 5) 1973, IV. Эрмитаж.
- 6) 1973, XI. Институт театра, музыки и кино.
- 7) 1974, IV, 1. Дом книги (общество книголюбов).
- 8) 1974, V, 15. ИРЛИ, сектор древнерусской литературы (“Пушкин и Даниил Заточник”).
- 9) 1974, X, 31. ИРЛИ, пушкинская группа.
- 10) 1975, XII. Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ

К §1. О том, что “Медный Всадник” не загадочен, в частности, писали: С. Н. Браиловский, В. Я. Кирпотин, С. И. Леушева, П. Т. Сааякян, Л. И. Тимофеев. Приведем высказывание последнего, относящееся к 1941 году: “Понять идею произведения значит: понять, какие общественные противоречия за ним стоят, каковы те общественные отношения, которые просвечивают в нем, за отношениями его персонажей, за их переживаниями и поступками, и проследить это во всей сложности его структуры, подчиненной в своей организации той действительности, которая в нем оформляется. Предположить ”занавешенность” “Медного Всадника”, как это делает Д. Благой, понять его на основании архивных документов, известных лишь немногим, рассматривать эту поэму как

Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто,

значит предположить, что до последнего времени “Медный Всадник” социально не существовал” (сб. “Пушкин”, М., 1941, с.224–225).

К §4. Н. В. Измайлов утверждает, что дефинитивный текст “Медного Всадника” был установлен в большом академическом издании в 1948 году (монография 1978 года, с.256). Ю. Б. Борев высказал другое мнение: «Подлинный текст “Медного Всадника” увидел свет в издании серии “Народная библиотека” в 1919 году. Наконец, в 1924 году (по любопытному совпадению — в 100-летнюю годовщину петербургского наводнения) в текст поэмы Б. В. Томашевским было внесено последнее исправление, сделавшее текст совершенно точным и адекватным замыслу и рукописи Пушкина» (“Искусство интерпретации” ..., 1981, с.245).

К §6. Близость текстов “Моей родословной”, “Езерского” и “Медного Всадника” легко выявляется на уровне лексики:

боярин	МР, Ез
вздор	МР, Ез
властелин	МР, МВ
гнев	МР, Ез, МВ
двор	МР, Ез, МВ
корабль	МР, Ез, МВ
крювь	МР, Ез, МВ

народ	МР, МВ
обломок	МР, МВ
потомство	МР, Ез
право	МР, Ез
сам большой	МР, МВ
служить	МР, Ез, МВ
Фиглярин	МР, Ез
царский	МР, Ез, МВ
царь	МР, Ез, МВ

Точка зрения Б. В. Томашевского на связь “Моей родословной” и “Езерского” противоречива. В 1949 г., в статье “Петербург в творчестве Пушкина” (сб. “Пушкинский Петербург”, Л., 1949, с.37) говорится весьма отчетливо: “Между ”Родословной моего героя” и “Моей родословной” (1830) есть много общих точек соприкосновения. Говоря о Езерских, Пушкин невольно думал о себе”. Но в комментариях к “Медному Всаднику” в издании “Библиотеки поэта” (т.1, Л., 1955, с.692–693) подобной отчетливости уже нет: “Хотя Пушкин и написал поэму в месячный срок, она явилась результатом большой предварительной работы над замыслом, который приобретал разные формы. Первоначально Пушкин задумал поэму “Езерский” в онегинских строфах, с героем, которого, подобно Онегину, поместил в “роскошный кабинет””.

Точка зрения Н. К. Пиксанова: “Темой о происхождении Евгения поэма “Медный Всадник” связана с другой поэмой — “Езерский” (1832–33) — и обособившейся из этой последней “Родословной моего героя”; к этой же теме примыкает “Моя родословная” (1830), как и целый ряд высказываний Пушкина о своем “шестисотлетнем дворянстве”. Это целый литературно-идеологический цикл” (статья “Пушкин и петербургская беднота” в “Пушкин. — Исследования и материалы”, т.3, 1960, с.184–185).

Более отчетлив М. Харлап в статье “О “Медном Всаднике” Пушкина”: “Прямая связь Евгения с ”русским мещанином” из “Моей родословной” раскрывает социальную сущность “кумира на бронзовом коне”. “Моя родословная” и “Родословная моего героя” указывают на один и тот же переломный момент” (“Вопросы литературы”, 1961, №7, с.93).

Н. В. Измайлов принадлежит к числу исследователей, не замечающих связи между “Моей родословной” и “Медным Всадником”.

К §7. Преследование Евгения Медным Всадником толковалось как галлюцинация следующими исследователями: М. В. Алпатов, П. Г. Антокольский, И. И. Аншелес, Д. Д. Благой (Изв.ОЛЯ, 1955, с.424–25), В. Я. Кирпотин, В. И. Лаврецкая, Н. В. Пасынков, А. Л. Слонимский и др.

К §10. Находясь под влиянием ранних работ Д. Д. Благого о “Медном Всаднике”, Ю. Б. Борев в своей книге о “Медном Всаднике” (1981) писал: “В известном смысле критический взгляд, заключенный в поэме, направлен не только против Петра и рожденной им государственности, но и против декабристов, вступивших в борьбу с ней” (с.140).

К §11. Как и В. Д. Спасович, А. Белый прекрасно понимал роль давления цензурных органов. Но в отличие от Спасовича А. Белый полагал, что при создании “Медного Всадника” творческий процесс у поэта был в значительной мере бессознательным. “Пушкин, конечно, не знал, что он написал” (с. 204); “Идет глубочайшая полусознательная маскировка истинного содержания поэмы, взрывного, как динамит; Пушкину надо было маскироваться перед самим собой” (с. 195). Вместе с тем А. Белый немало говорит о логике, признает, что “Медный Всадник” — “самое непонятное, трудное произведение Пушкина” (с. 231), что в нем обнаруживается внутренне-строфическое строение (с. 150). Из моментов, особенно мешавших Белому, необходимо назвать непонятность роли образа графа Д. И. Хвостова (с. 150, 201, 207, 276), являвшегося камнем преткновения для всех исследователей поэмы.

В целом книга Белого заслуживает самой высокой оценки.

К §15. Б. Н. Бугаев (А. Белый) видел в “Медном Всаднике” 22 (55) компонента. См. его исследование 1929 года, с.154–165.

К §16. В содержательной статье “Библейская тема в “Медном Всаднике” (“Русская литература”, 1990, №3, с.3–17) И. В. Немировский затрагивает существенные для понимания пушкинской поэмы вопросы, но, к сожалению, не содействует ее истолкованию.

Полностью отождествляли образ Медного Всадника с императором Петром I, в частности, Б. Б. Кафенгауз, В. Я. Кирпотин, Е. Н. Купреянова, В. И. Лаврецкая, А. В. Македонов, Л. Н. Назарова, А. В. Предтеченский, В. Д. Сквозников, Л. И. Тимофеев, Б. В. Томашевский, Г.М. Фридендер. Приведем формулировку Кирпотина: “Евгений из “Медного Всадника” обрисован с любовью и сочувствием. Автор жалеет его и

признает правоту его притязаний. Но прав и Медный Всадник, воплощающий историческую необходимость и непоколебимую силу воли самодержца. В русской литературе ни один монарх не удостоивался такого апофеоза, как Петр Великий в “Медном Всаднике”. Медный Всадник грандиозен, величественен, деяния его огромны и благодетельны. И в то же время Петр Великий — Медный Всадник, воспетый Пушкиным, — изображен как ужасная, как роковая и немилостивая сила. Пушкин употребляет по отношению к нему слова “кумир”, “истукан”, слова, подчеркивающие бесчеловечность его гигантской, титанической силы. Недаром термины эти не понравились Николаю I, имевшему неплохое классовое чутье” (“Наследие Пушкина и коммунизм”, М., 1936, с.128–129).

К §17. Ю. Б. Борев в следующих выражениях признает наличие в “Медном Всаднике” образа Николая I: 1) “В поэме Пушкина содержится это осуждение, которое в контексте исторической ситуации звучит аллюзионно: в глубинном подтексте речь идет и о современной Пушкину государственности, воплощаемой Николаем I, мнящим себя наследником великого пращура” (с. 228); 2) “Образ Николая I, тенью проходящий в поэме “Медный Всадник”, можно расшифровать лишь в общем историко-творческом и биографическом поле, подсвечивая и проясняя эту бледную тень всеми известными нам фактами отношения поэта к царю” (с. 303). Ср. также с.195.

Из названных курсов логики особенно выделяется двухтомный труд Фридриха Бахмана, перевод которого был издан в Петербурге в 1831–32 годах. Бахман различал две основные логические школы:

а) школа Канта

1. Якоб
2. Шмид
3. Кизеветтер
4. Маас
5. Круг
6. Фриз

б) школа Фихте и Шеллинга

1. Мемель
2. Краузе
3. Клейн
4. Платнер
5. Гербарт
6. Гегель (т.1, с.5)

Наведению (индукции) и аналогии посвящены у Бахмана с.86–109 второго тома. Вывод Бахмана: “Посему аналогия столько ж нужна, как и наведение” (с.107).

В “Логике” Галича, между прочим, говорится: “Заключение по Аналогии предполагает такую связь признаков, которая ни совершенно случайна, ни совершенно необходима. Оно тем вернее а) чем в большей части признаков сравниваемые предметы сходятся между собою, чем в меньших признаках они разнятся; тем более причины считать их связанными по одинаковому правилу; тут скорее можно допустить, что признак, о коем идет речь, не принадлежит к особнным свойствам предмета: ибо сходства сущности гораздо более в тех вещах, кои сближены видом, нежели в тех, кои сходятся родом; в) сходство, из которого и другое, о котором заключаем, не должно казаться одних только случайностей, ибо в сем случае нет сопряжения по закону” (“Логика, выбранная из Клейна”. СПб., 1831, с.89–90).

В “Кратком руководстве к логике” (СПб., 1826) Николай Рождественский писал: “Ежели две или многие вещи сходятся во многих известных нам признаках, то должны сходствовать и в прочих свойствах, хотя сего последнего сходства мы еще не усмотрели. Такое доказательство называется доказательством посредством аналогии (*per analogiam*) (с.64). В следующем (138) параграфе Рождественский делает весьма существенное добавление: “Доказательства по аналогии могут основываться и на сходстве многих вещей в одном существенном признаке”.

Петр Лодий в своих суждениях опирается на физиков: “Например, посредством несовершенного вывода познаем, что человек, с нами говорящий, также имеет в себе душу, как и мы; что живое тело также имеет в себе легкое, сердце, почки и прочие внутренние части, как и то, которое уже убито и распластано. Сей способ доказывания называется доводом аналогическим, в котором заключение производится от подобного на подобное. Физики часто употребляют его в исследовании общих свойств телам приличествующих, и в утверждении всеобщих естественных законов” (“Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного”. СПб., 1815, с.301).

В “Начертании логики” (СПб., 1807) Александра Лубкина мы читаем: “Основанные на аналогии рассуждения убедитель-

ность свою получают от явственного сходства, или противоположности, между двумя предметами находящихся; так что, или не было бы никакой причины, или бы явная следовала нелепость, отвергать что либо в рассматриваемом нами предмете, несмотря на сходство его с другим, нам известным. Почему при исследовании аналогического мнения надлежит брать в рассуждение три вещи: 1) сходство их или противоположность; 2) ясность последствия от одной к другой; 3) внутреннее свойство положения, противоположенного аналогическому заключению” (с.264).

К §19. Образ Евгения в литературоведческой и исторической литературе трактовался крайне разнообразно.

1. Евгений — представитель народа

1) Н. А. Саввин. “Медный Всадник” Пушкина (опыт истолкования). “Родной язык в школе”, сб.4, 1927, с.39–40.

2) Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. М., 1937, с.783.

3) Л. И. Тимофеев, “Медный Всадник”. Сб. “Пушкин”. М., 1941, с.219.

4) С. М. Леушева. “Поэма Пушкина ”Медный Всадник””. Сб. “Пушкин в школе”. М., 1951, с.352.

5) Ф. З. Канунова. «Проблема ”маленького человека” в русской повести 20-х годов XIX в. и “Арабески” Н. В. Гоголя». Труды Томского гос. университета, 1957, т.139, с.240.

6) П. А. Мезенцев. Поэма Пушкина “Медный Всадник” (к вопросу об идейном содержании). “Русская литература”, 1958, №12, с.65.

7) Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с.625–626.

8) Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре I. “История СССР”, 1961, №3, с.158.

9) Е. П. Лахостский. А. С. Пушкин. М.-Л., 1964, с.136.

10) В. Д. Сквозников. Стиль Пушкина. — Теория литературы, кн.3, М., 1965, с.96.

2. Евгений — разночинец

1) М. И. Мальцев. Проблема социально-политических воззрений А. С. Пушкина. Чебоксары, 1960, с.432.

2) Н. К. Пиксанов. Пушкин и петербургская беднота. — Пушкин. Исследования и материалы, т.3., М.-Л., 1960, с.184–185.

3. Евгений деклассирован

1) П. Г. Антокольский. “Медный Всадник”. — “Октябрь”, 1960, №2, с.211.

4. Евгений — Радищев

- 1) Г. В. Вернадский. “Медный Всадник” в творчестве Пушкина. *Slavia*, гоѣник II, 1924, ses.4, s.650.
- 2) Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре I. “История СССР”, 1961, №3, с.159.

5. Евгений — декабрист

- 1) В. Я. Кирпотин. Наследие Пушкина и коммунизм. М., 1936, с.134.
- 2) Л. П. Гроссман. Пушкин. Изд.3. М., 1960, с.442.
- 3) Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре I. “История СССР”, 1961, №3, с.159.

6. Евгений — Польша

- 1) Branko Vodnik. “Franjo Markovič”. Zagreb, 1906.
- 2) В. Ф. Ходасевич. Статьи о русской поэзии. Пб., 1922, с.102–109.
- 3) Г. В. Вернадский. “Медный Всадник” в творчестве Пушкина. *Slavia*, 1924, ses.4, s.645.

7. Евгений — Пушкин (двойник, единомышленник; автобиографизм)

- 1) В. Д. Спасович. Пушкин и Мицкевич у памятника Петра Великого. Сочинения, т.2, СПб., 1889, с.251.
- 2) В. Я. Кирпотин. Наследие Пушкина и коммунизм. М., 1936, с.129–131.
- 3) М. В. Алпатов. “Медный Всадник” Пушкина. *Slavia*, 1937, t.14, seš.3, s.374.
- 4) Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. М., 1937, с.782.
- 5) А. В. Македонов. Гуманизм Пушкина. “Литературный критик”, 1937, №1, с.83.
- 6) Г. И. Чулков. Жизнь Пушкина. М., 1938, с.267–268.
- 7) Б. В. Томашевский. Пушкин, кн.2, М.-Л., 1961, с.197.
- 8) М. Харлап. О “Медном Всаднике” Пушкина. “Вопросы литературы”, 1961, №7, с.91–92.
- 9) Charles Corbet. Le symbolisme du “Cavalier de bronze”. — “Revue des études slaves”, 1966, t.45, p.140.

О рождении великого князя Михаила Николаевича подробно сообщалось в петербургских газетах. В “С.-Петербургских ведомостях” 1832, №244 (15.X), с.1017, сказано, что великий князь родился в 9 часов вечера 13 октября. Там же, №263 (6.XI), на с.1101–1102 был опубликован церемониал о святом крещении великого князя. Об этом же сообщила газета “Русский инвалид или военные ведомости” в №282 (8.XI). Эта

же газета сообщила о назначении в князя шефом лейб-гвардии конно-гренадерского полка.

С известным египтологом И. А. Гульяновым (1789–1841) Пушкин общался в начале 1830-х годов.

К §21. Роль образа гр. Д. И. Хвостова в “Медном Всаднике” заинтересовала Ю. Б. Борева, посвятившего ей не одну страницу в своей книге “Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения “Медного Всадника” (М., 1981, с.184–187). Здесь, между прочим, Боров пишет: “Во всяком случае, предположение Ю. Оксмана о том, что соответствующее место в “Медном Всаднике” есть простое ответствование на два предшествующих стихотворных послания Хвостова Пушкину, не кажется достаточным. Слишком стройное, грандиозное, обдуманное здание сооружал Пушкин в этой самой зрелой своей поэме, чтобы позволить себе случайную завитушку — необязательные строки, высказывание по случайному поводу. В этом пункте “самая загадочная поэма” Пушкина остается особенно плотно “занавешенной”” (с.187). Ю. Б. Боров не был информирован о том, что загадка роли образа Хвостова была разгадана до его книги и что разгадка эта была своевременно опубликована.

Следует отметить, что у Д. И. Хвостова были конкуренты. 19 августа 1832 года в “Русском инвалиде” была опубликована “Надпись к гранитной колонне для монумента императора Александра Первого 1832 года Августа 6 дня” Павла Шафрова. 12 сентября 1832 года там же было напечатано стихотворение И. Кокошкина “Чувства русского в минуту поднятия колонны для памятника Александра I, 30 августа 1832 года”. В “Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду” напечатано стихотворение Ф. Н. Глинки “К гранитному столпу, воздвигаемому во славу Александра I” (1832, ч.VII, с.527). Из стихотворений 1832 года может быть отмечено также “К памятнику в Бозе почивающего Государя Императора Александра I-го” Анны Волковой (СПб. ведомости, №206, 2 сентября). Особенно много откликов было по поводу открытия колонны 30 августа 1834 г.

Проект памятника был одобрен Николаем I в сентябре 1829 г. Замысел же памятника относится к 4 декабря 1825 г. (представление сенатора Дмитрия Ланского Правительствующему Сенату, в котором предлагалась надпись “Александрю Благословенному Российский народ”). Решением Сената надпись была изменена так: “Александрю Первому Россия” (“Русская старина”, 1900, т.101, №2, с.476).

К §23. Тайная вечеря имеет прямое отношение к замыслу “Медного Всадника” и его осуществлению. Приводим данные о некоторых наиболее известных живописных композициях на эту тему.

1) Джотто ди Бондоне (1266/7–1337). 1303–05. Падуя.

2) Кастаньо Андреа (1410–1477). 1439. Монастырь св. Аполлония во Флоренции. Стол прямой. Христос перед столом. 5+7.

3) Фра Анжелико (1387–1455). Между 1437 и 1445. Христос перед столом. 4+4 сидят за столом. На коленях 1+4.

4) Гирландайо Доменико ди Томмасо Бигорди (1449–1494). 1480. Монастырь всех святых во Флоренции. Христос перед столом. 7+5.

5) Леонардо да Винчи (1452–1519). 1497. Церковь Санта Мария делле Грацие в Милане. 6+6.

6) Андреа дель Сарто (1486–1531). Стол прямой. 6+6.

7) Тинторетто (Якопо Робусти, 1512–1594), 1547. Венеция, церковь Маркула.

8) Он же. Церковь св. Симеона Великого. Прямоугольный стол стоит слева, наискосок. Справа лежит собака. Апостолы сидят вокруг всего стола, двое спиною. Двенадцатого апостола нет совсем. Справа стоит женщина.

9) Он же. Церковь св. Павла. Вокруг квадратного стола на открытой веранде, почти на улице. Два спиною — слева и справа. Один спереди лежит на полу.

10) Тициан Вечеллио (1485/90–1576). 1564. 5+7.

11) Тинторетто. 1566. Венеция. Церковь Сан-Тровизо. Квадратный стол, апостолы сидят со всех сторон. Спиною два. Высота 2,0, ширина 4,0.

12) Он же. 1591–94. Венеция. Церковь св. Джорджо Маджоре. Узкий стол наискосок уходит вглубь. Справа сидят одиннадцать апостолов. 3,5×6,0.

Порядок окружения Николая I: 1) граф Д. И. Хвостов; 2) Н. М. Карамзин; 3) император Петр I; 4) Евгений; 5) император Александр I; 6) граф М. А. Милорадович; 7) А. Х. Бенкендорф; 8) А. С. Пушкин; 9) императрица Александра Федоровна; 10) вел. кн. Константин Николаевич; 11) вел. кн. Николай Николаевич; 12) вел. кн. Михаил Николаевич.

К §29. Основная политическая цель “Медного Всадника”, добиться амнистии по делу декабристов, совершенно, казалось бы, неожиданно, нашла весьма своеобразное понимание в рабо-

те, крайне далекой от понимания общего замысла Пушкина. Мы имеем в виду книгу А. Н. Архангельского “Стихотворная повесть А. С. Пушкина ”Медный Всадник” (М., 1990). Здесь, между прочим, говорится: “И все же Пушкин такую категорию нашел. Имя ей — милосердие, в одно и то же время возвышенный акт, государственный поступок, возможный лишь в условиях общественного благополучия и уверенности в незыблемой крепости государства, и реальный, направленный на человека. Когда государь милосерден, он одновременно и велик и человечен. Для Пушкина это было чрезвычайно важно. Долго (и — увы! — напрасно) пытался он внушить эту мысль своим властью предрежащим современникам. Еще в стансах ”Друзьям” милость была названа первым из державных прав. Это очень важно, этическая категория входит в круг государственных интересов” (с.66).

Основываясь на сказанном, А. Н. Архангельский сближает “Медный Всадник” с “Анджело” и “Пиром Петра Великого” (с.63, 67, 71, 72 и др.).

См. также: Н. Я. Эйдельман. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987, с.47, 90, 118; Г. А. Невелев. Истина сильнее царя. М., 1985, с.9, 25, 26.

ОБЩЕИЗВЕСТНЫЙ ТЕКСТ “МЕДНОГО ВСАДНИКА”

Публикуемый ныне миллионными тиражами текст “Медного Всадника” восходит непосредственно к тому тексту поэмы, который был опубликован В. А. Жуковским вскоре после гибели Пушкина в пятом томе его журнала “Современник” (с.1–21). Различия между этими текстами сводятся к трем категориям.

Основное различие вызвано цензурными замечаниями императора Николая I, официального цензора всех произведений Пушкина, касающимися следующих мест поэмы:

- 1) строки 39–42 зачеркнуты накрест
- 2) строка 259: слово “кумир” подчеркнуто
- 3) строка 402: слово “кумир” подчеркнуто
- 4) строки 411–412 подчеркнуты
- 5) строки 420–423 отчеркнуты сбоку
- 6) строка 424: слово “кумир” подчеркнуто
- 7) строка 433: слова “горделивым истуканом” подчеркнуты
- 8) строки 436–450 отчеркнуты сбоку

9) строка 436: слова “строитель чудотворный” подчеркнуты.

К тому, что неоднократно и многими исследователями писалось о словах “кумир” и “истукан”, целесообразно добавить одно, безусловно, известное Николаю I употребление слова “истукан”. Для большей ясности приведем текст полностью.

ИСТУКАН И ЛИСА

Осел, как скот простой,
Глядит на Истукан пустой
И лижет позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилежно раза два,
Пошла и говорит: “Прекрасна голова!
Да жаль что мозгу нет!” — Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы с сим Истуканом схожи?

(Басни Ивана Дмитриева. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. СПб., 1810, с.119).

Таким образом, никак нельзя сказать, что замечания высшего цензора были излишне придирчивы.

Несмотря на попытки Пушкина учесть указания императора и дополнительные усилия Жуковского текст поэмы существенно сократился. В публикации “Современника” и издании 1841 года весь текст поэмы содержит только 452 стиха (96+147+209).

Только в издании Я. А. Исакова (1859) в результате публикации П. В. Анненкова в 1857 году текст “Медного Всадника” достиг 463 1/2 строк. Однако влияние цензорских замечаний Николая I в той или иной мере сохранялось до советского периода русской истории. Приведем важнейшие данные.

В издании 1876 года под редакцией В. Я. Стоюнина самое криминальное с точки зрения Николая I место поэмы приведено в такой редакции:

Вскипела кровь: он прочно стал
Пред горделивым истуканом —
И зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной:
“Добро, строитель чудотворный!”
Шепнул он, робко задрожав:
“Ужо тебя!” И вдруг стремглав

Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя

В издании П. А. Ефремова (8-е, исправленное и дополненное, т.3, М., 1882):

- 40 Главой склонилась Москва
- 193 Садки
- 258 Сидит с простертою рукою
Гигант на бронзовом коне
- 402 Гигант с простертою рукою
- 413 Над морем город основался
- 423 Россию вздернул на дыбы?
- 432 Вскипела кровь: он мрачно стал

В издании под редакцией И. С. Боровского (1887) слов “Ужо тебе!” нет совсем.

Во втором издании под редакцией И. С. Боровского (Одесса, 1888) сохранены указанные выше особенности издания под редакцией П. А. Ефремова.

В издании под редакцией П. О. Морозова (издательство “Просвещение”) сохранились такие особенности текста:

- 111 Мое перо уж как-то дружно
- 121 Ни о покойнице родне
- 193 Садки
- 345 Пиит, любимый небесами
- 423 Россию вздернул на дыбы?
- 432 Вскипела кровь; он мрачно стал
- 438 “Ужо тебе!” Но вдруг стремглав

Второе важнейшее различие было связано с выпадением из поэмы строк 143–158, зачеркнутых Пушкиным собственноручно. Отсутствие этих строк сохранялось до 1948 года. Только начиная с пятого тома большого академического издания (1937–1949) сочинений Пушкина зачеркнутые строки были заменены новой редакцией, о которой речь пойдет ниже.

Наконец, в тексте “Современника” находится существенное количество мелких вариантов, примерами которых могут служить:

- 111 Мое перо уже как-то дружно
- 123 И так домой пришел Евгений

Подобные варианты сохранялись в тексте поэмы долгие годы.

Переходим к важнейшему вопросу о замене строк 143–158.

Прежде всего нужно отметить, что вычерк их Пушкиным в 1836 году был объяснен Т. Г. Зенгер-Цявловской целями улучшения текста поэмы ("Лит. наследство", 1934, т.16/18, с.524). У Цявловской были предшественники в XIX столетии. Эта точка зрения изменилась в связи с обнаружением в 1947 году листка с черновым наброском текста, сходного по содержанию с зачеркнутым. Набросок этот явно черновой, работа над ним не завершена, окончания (трех последних строк) у него нет. К тому же (и это очень важный момент) ни в рукописи, ни на листке нет решительно никаких знаков, свидетельствующих о решении Пушкина вставить этот текст вместо зачеркнутых строк. В текстологическом отношении это более чем сомнительный факт. Его неполноценность не замедлила себя проявить. А именно: общепринятого понимания этого недоработанного текста не существует, а поэтому он во всех изданиях печатается по-разному.

1) Редакция С. М. Бонди и Б. В. Томашевского:

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался как поэт:
"Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год – другой —
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят..."

Слабости в этом тексте заключаются в следующем: 1) многоочие после слова "ребят" и последние три строки примыслены, их у Пушкина нет; 2) в стихах 3,5 и 7 слова "Мне", "я", и "Уж" Пушкиным зачеркнуты; 3) форм "устрою" и "успокою" у Пушкина нет.

2) Редакция Н. В. Измайлова 1978 г.:

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался как поэт:
Жениться? Ну... зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно,
Но что ж, он молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Он кое-как себе устроит
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокоит.
“Пройдет, быть может, год другой —
Местечко получу — Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить — и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят...”

Слабости в этом тексте: 1) то же, что и в предыдущем тексте; 2) кавычки в десятом стихе примыслены, разделение речи на косвенную и прямую неубедительно; 3) слова “хозяйство” у Пушкина нет.

Издательство “Художественная литература” печатает приведенный текст в редакции Бонди и Томашевского (1960, 1975), но в десятиmillionном издании 1986 года дает редакцию Измайлова в значительно ухудшенном варианте: прямая и косвенная речь даны в единых кавычках, что противоречит существующим правилам.

На каком научном уровне находится редакция Измайлова видно из его слов, направленных и против Томашевского и против Бонди: “В ”малом“ академическом издании, в 10 томах (1949), в этом (154) стихе допущена досадная опечатка: “Препоручу семейство наше” (вместо “хозяйство наше”), и эта опечатка повторена в ряде позднейших изданий, до самых последних” (1978, с.241). Вместе с тем здесь же (с.84) Измайлов совершенно произвольно утверждает, что строки 156–158 зачеркнуты Пушкиным ошибочно. Но как это ни странно, в основном академическом издании (т.V.1948) мы находим редакцию Измайлова, хотя редактором тома являлся С. М. Бонди (непоследовательность непостижимая).

Предвосхищая заключение Т. Г. Зенгер-Цявловской,

Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал: “Смысл этих переделок ясен. В окончательной форме нет ни подчеркивания бедности, ни упоминания о чине, который может получить “мечтатель” через два года ...: все это показалось Пушкину излишним. И в самом деле, не было надобности примерно умять героя, и без того столь маленького, а картина идиллического счастья в шалаше с милою могла бы произвести в целом, при сопоставлении с картиною наводнения, смывшего эти мечты, и в виду фигуры Всадника, поднявшего “Россию на дыбы”, невыгодное впечатление преднамеренной сентиментальности, приторности и даже, пожалуй, внесла бы сюда долю смешного” (Собрание сочинений, т. IV, Симферополь, 1919, с. 57–58).

Б. С. Мейлах в свою очередь полагал, что в беловом автографе “эти мечты Евгения носят еще более яркую бытовую окраску” (Пушкин и его эпоха, 1958, с. 631).

Критически относился к вставке строк 143–158 и А. Л. Слонимский, тонкий текстолог, писавший: “Вероятно, в связи со вставкой предполагалась какая-то переделка предшествующих стихов. Поэтому осторожнее было бы отметить в Академическом издании вставленное место хотя бы звездочками” (Мастерство Пушкина, изд. 2, исправленное, 1963, с. 304–305).

Таким образом, вопрос о неполноценности общеизвестного текста “Медного Всадника” был поставлен давно. Но о главной его слабости речь пойдет в следующих разделах комментария.

ТРЕТИЙ СМЫСЛОВОЙ РЯД

В первом смысловом ряду “Медного Всадника” мы имеем дело с Петром Великим, Евгением, Парашей, Пушкиным, Александром I и несколькими второстепенными персонажами: перевозчиком, торгашом отважным, Хвостовым, хозяином жилища Евгения, бедным поэтом, рыбаком, чиновником.

Во втором смысловом ряду фигурируют Николай I и окружающие его двенадцать персонажей: 1) граф Д. И. Хвостов, играющий в нем важнейшую роль; 2) Н. М. Карамзин; 3) Петр Великий; 4) Евгений; 5) Император Александр I; 6) граф М. А. Милорадович; 7) А. Х. Бенкендорф; 8) придворный поэт и историограф А. С. Пушкин; 9) императрица Александра Федоровна; 10) великий князь Константин; 11) великий князь Николай; 12) великий князь Михаил.

Третий смысловой ряд не имеет самостоятельного образного наполнения и играет вспомогательную роль, однако роль эта исключительно велика для цементирования основных смысловых построений пушкинской поэмы. Иначе говоря, третий смысловой ряд содержит неопровержимое доказательство определенности и важнейшей роли второго смыслового ряда.

Наиболее развернутое исследование вопроса о строфической структуре “Медного Всадника” дано С. Б. Рудаковым (1909–1944) в статье “Ритм и стиль ”Медного Всадника””, доложенной Пушкинской комиссии 12 июня 1941 года и опубликованной в 1979 г.¹ Не понимая смысла пушкинской поэмы и не ориентируясь в его дефинитивном тексте, Рудаков попал под сильное влияние взглядов Н. В. Измайлова и ряда других исследователей и определил структуру поэмы Пушкина как бесстрофическую. Это не помешало, однако, Рудакову установить наличие в “Медном Всаднике” “элементарных строф” в виде “двустихий, четверостихий и других образований” (с.309), которые он в значительной мере возводит к онегинской строфе из 14 строк. Таких элементарных строф Рудаков находит в поэме 145 (с.315). Следует при этом иметь в виду, что Рудаков изучал традиционный текст из 365 строк и в сложностях рифмовки и строфической структуре “Медного Всадника” разобрался не вполне. Исследователь строфики Пушкина Б. В. Томашевский присутствовал на докладе Рудакова и дал ему положительную оценку².

Непонимание смысла “Медного Всадника” сыграло в данном случае решающую роль. Рудаков, как и Измайлов и другие исследователи, совершенно не понял характера и роли строфической структуры поэмы Пушкина. Структура эта преднамеренно запутана и затемнена, что не мешает ей быть предельно выдержанной. Из 481 строки поэмы 230 женских строк и 251 мужская. Из них сформировано средствами рифмовки 145 строф, из которых одна редуцированная, что находит свое смысловое оправдание. Из этих строф полными являются

двустихий – 69
четверостихий – 62
пятистихий – 15

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Том IX, Л., 1979, с.294–324.

² Там же, с.295–296.

О двух строфах будет сказано ниже.

Среди четверостиший мы находим

28 обнимающих (женских 19, мужских 9)

34 перекрестных (женских 23, мужских 11).

Среди пятистиший мы имеем девять вариантов:

1) М М Ж М Ж - 1, 2

2) Ж М Ж М М - 21, 105, 114

3) М Ж М Ж М - 23

4) Ж М М Ж М - 63

5) М Ж М Ж Ж - 65

6) М Ж Ж М М - 69, 133

7) Ж М Ж Ж М - 81, 91

8) Ж М М Ж Ж - 82

9) М М Ж Ж М - 109, 135

Три женских — 4 случая (5, 7, 8)

Три мужских — 11 случаев (1-4, 6, 9).

Таким образом варьирование строф достаточно велико, что и помогает Пушкину скрыть свой замысел. Но тщательное изучение приводит к отчетливому выводу: в своей строфической системе Пушкин видел дополнительные возможности осмысления своей загадочной поэмы. А именно:

1) двухстрочных строф в I и II частях поэмы 58, по 29 в каждой части.

2) четырехстрочных строф в I и II частях 42, по 21 в каждой части.

Одних этих данных вполне достаточно для важнейшего вывода: за каждой своей строфой поэт тщательно следит для определенной цели. Цель эта раскрывается полностью при рассмотрении строф, выпадающих из принятой Пушкиным системы. А именно:

1) строфа-монстр из 19 строк (ж¹мж¹мж²мж²м¹м¹ж²м²м²ж³м³ж³м³ж²м³м³) в строках 348-366 имеет своей целью обратить особое внимание на цитату из басни Крылова "Бедный Богач" и связанные с нею хронологические моменты "Медного Всадника". Это место поэмы должно быть признано важнейшим для правильного понимания ее смысла.

2) редуцированная строфа (стих 183), единственная не имеющая парной рифмы:

На город кинулась. Пред нею

Как видно из болдинского чернового автографа, первоначально этот стих имел парную рифму:

Котлом клокоча и клубясь —
И вдруг, как зверь остервенясь,
[Всей тяжкой] Со всею силою своею
[Пошла на приступ —] перед нею
[Народ бежал и скрылся вдруг
Весь город заняла вокруг
С Невой слились ее каналы
И захлебнулись подвалы,]
[Народ бежал и скрылся вдруг
Весь город заняла вокруг
И хлынула во все подвалы
С Невой слились ее каналы]
[Народ бежал и скрылся вдруг
[По граду] Фонтаном хлынула вокруг
Во все вломились подвалы
С Невой слились ее каналы]
Все побежало; Воды вдруг
Завоевали все вокруг
В Нев<e> исчезли все каналы
Во все вломились подвалы —
И всплыл Петрополь как Тритон
По пояс в воду погружен...

В беловом автографе это место читается так:

Котлом клокоча и клубясь
И наконец, остервенясь
На город кинулась. Пред нею
Все побежало [и] Все вокруг
[Все] Вдруг опустело — волны вдруг
Вломились в улицы, в подвалы,
С Невой слились ее каналы,
И всплыл Петрополь как тритон
По пояс в воду погружен.

В 1836 году это место подверглось значительной переработке, не изменяющей, однако, строфического рисунка. Таким образом одинокий стих, являющийся редуцированной двухстрочной строфой, дважды утверждён Пушкиным в качестве сознательно установленного им факта. Есть все основания полагать, что сделано это для принижения значения темы наводнения.

Это подтверждается также наличием второго нарушения законов, установленных Пушкиным для поэмы “Медный Всадник”, а именно: в стихе 167-м строфа начинается мужским стихом, следующим за мужским стихом предыдущей строфы. Грубое нарушение это находится в самом начале перехода поэта к теме наводнения, в начале шестого компонента поэмы. Это лишний раз подтверждает преднамеренность обоих нарушений.

3) Окончание темы наводнения также отмечено Пушкиным еще одним нарушением норм, установленных автором для его произведения. Слова

Вода сбыла и мостовая
Открылась (274–275)

включены поэтом в необычную уникальную для “Медного Всадника” восьмистишную строфу с формулой $мж^1ж^1мж^2ж^2мж^2$ (269–276).

Все приведенные факты взаимно связаны друг с другом и в целом составляют третий смысловой ряд поэмы. Он имеет свои особенности: сам по себе он мало понятен и поэтому не удивительно, что не обращал на себя внимание. Но в сочетании со вторым смысловым рядом он приобретает большую весомость и мощно содействует объективации замысла поэта. Доказательность его безупречна.

Третий смысловой ряд всецело построен на строфическом материале. Работы С. Б. Рудакова, Б. В. Томашевского, Н. В. Измайлова и других исследователей оказываются опровергнутыми самим текстом поэмы. Томашевский отнес “Медный Всадник” к той категории произведений Пушкина, которая была им определена как “стихотворения вольной рифмовки”³. Этим самым исследователь приравнивал строфику “Медного Всадника” к таким произведениям, как “Полтава”.

Обратимся к этой последней. В трех песнях поэмы насчитывается девять видов строф, которые по песням распределяются так:

- 1) 1 (редуцированная строфа) – 2 (2), 3 (1)
- 2) 2 – 186 (56, 75, 55)
- 3) 4 – 238 (81, 78, 79)

³ Томашевский Б. В. “Строфика Пушкина”. Пушкин. Исследования и материалы, II, М.-Л., 1958, с.178.

- 4) 5 – 15 (5, 4, 6)
- 5) 6 – 2 (1)
- 6) 7 – 3 (2 (1), 3 (2))
- 7) 8 – 1 (1)
- 8) 9 – 2 (1)
- 9) 12 – 1 (1)

Варианты отдельных строк мы не приводим.

Большая часть строк “Полтавы”, как и “Медного Всадника”, относится к размытым. Однако в “Медном Всаднике” строжайшим образом соблюдаются виды строк. При этом следует иметь в виду, что в общераспространенном тексте “Медного Всадника”, в основе которого лежит текст писарской копии, построение Пушкина разрушено и понято быть не может.

ИЗДАНИЕ П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Издание П. Е. Щеголева было начато еще до октябрьской революции 1917 года, в связи с чем оно появилось в 1923 году по старой орфографии. Украшением этого издания явились иллюстрации А. Н. Бенуа. Статья Щеголева (с.63–74) открывалась сенсационным заявлением: «Восемьдесят пять лет минуло с момента создания “Медного Всадника”, и ни одно издание сочинений Пушкина не воспроизвело того текста “Медного Всадника”, который Пушкин, как мы достоверно знаем, предназначал для печати. И только в настоящем издании текст “Медного Всадника” впервые за 85 лет появляется в той редакции, в которой Пушкин хотел видеть в печати свою “Петербургскую повесть”» (с.63).

Щеголев был профессиональным историком, что и помогло ему правильно решить вопрос о выборе основного текста пушкинской поэмы. Однако полноценным текстологом он не был, а поэтому сложнейшую проблему установления дефинитивного текста “Медного Всадника” решить не смог. Об общераспространенном тексте поэмы он высказался так: “Перед нами два источника текста “Медного Всадника” — та окончательная редакция, которую находим в автографе поэта, и та посмертная редакция, которую дает писарская копия. О первой мы достоверно знаем, что именно ее Пушкин признал окончательной и желал видеть в печати, что эта именно редакция плод свободного творчества поэта. О второй редакции мы достоверно знаем, что

своим возникновением она обязана акту цензурного насилия, что она не улучшала, а ухудшала текст, что эта редакция — исправленная и искаженная — не может быть признана законченной, не может быть сочтена последним словом исправления. Последнее слово исправления и искажения текста принадлежит Жуковскому, а Пушкин бросил работу на полдороге. Нет двух ответов на вопрос: ежели бы в момент прекращения работы по оцензурению “Медного Всадника” Пушкина спросили, какой текст “Медного Всадника” он хочет видеть в печати — тот, который находится в автографе, или тот, который дает исправленная писарская копия, то ответ мог быть только один, голос его был бы подан за текст автографа. Текст же посмертной редакции является как раз таким, какого Пушкин не хотел видеть опубликованным, какого Пушкин не пустил в печать” (с.72).

Не ограничиваясь сказанным, Щеголев тут же добавил: “Исправления писарской копии должны быть решительно отринуты, удалены с поля зрения современного издателя” (с.72). Этим самым Щеголев никакого различия между вариантами писарской копии не усматривает. Между тем их оценить можно только на основе понимания пушкинской поэмы. Свое понимание “Медного Всадника” Щеголев выразил лишь одним словом, назвав его произведением политическим (с.66). Подобное понимание правильно, но явно недостаточно. Это обстоятельство особенно сказывается при рассмотрении заключительных стихов введения в поэму, написанных ранее всех других исправлений в писарской копии. Другими словами, Щеголев не учел не только необходимости понимания пушкинской поэмы, но и важности использования всех источников ее текста.

ДЕФИНИТИВНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО УСТАНОВЛЕНИЕ

Выше, в разделе третьем, мы показали, что сколько-нибудь твердого и обоснованного текста “Медного Всадника” вообще не существует. Теперь мы должны обратиться к причинам содзавшегося положения.

Прежде всего, должен быть отмечен тот основополагающий факт, что без понимания текста произведения не может быть речи о его установлении. Нам достаточно сослаться на слова Д. С. Лихачева, неоднократно подчеркивавшего роль понима-

ния в текстологии¹. Между тем Н. В. Измайлов свое понимание “Медного Всадника” изложил в статье “Забытая старина”². А в монографии, сданной в печать после выхода в свет названной статьи, он не только не упомянул об этой статье, но даже дал другое толкование “Медному Всаднику” (с.258–265). Оба эти толкования внутренне противоречивы, но для нас в данном случае важно второе толкование. В нем признается, что кульминация поэмы (с.149, 212, 259) находится в сцене конфликта между Евгением и Медным Всадником. Между тем сцена эта происходит через год после наводнения 7 ноября 1824 года, в то время как Измайлов основное содержание (“происшествие”) пушкинской поэмы видит именно в наводнении, в связи с чем в разделе пятом (с.103–124) им приводятся документы только о наводнении, а не о конфликте на Петровской (Сенатской) площади. Не говорим уже о том, что Измайлов делает вид, якобы он не замечает того, что количественно наводнению Пушкин уделил меньше внимания, чем конфликту на площади. Другими словами, кульминация не случайно связана с конфликтом.

Ни Измайлов, ни кто-нибудь другой никогда не устанавливал текста “Медного Всадника”. Это сделал за них в 1837 году В. А. Жуковский, о чем прямо говорится в книге Измайлова (с.230). Но ведь известно, что Жуковский не ставил перед собою таких задач и даже сознательно искажал текст “Медного Всадника”, что признает и Измайлов. Таким образом, если не считать неудовлетворительной попытки П. Е. Щеголева в 1923–1930-х годах, никто никогда установлением текста пушкинской поэмы не занимался. У нас дефинитивного текста поэмы нет до сих пор, о чем нами было открыто заявлено на текстологическом совещании славистов в мае 1971 года (по произволу редакции издания все материалы обсуждения докладов при их публикации в 1973 году были сняты).

Следствием непонимания пушкинской поэмы является выбор в качестве основного текста писарской копии 1836 года. Последняя является результатом цензурного искажения текста поэмы, дополненного искажениями автоцензурными. В послед-

¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Л., 1983, с.20, 27, 39, 40 и др. См. также: Д. С. Лихачев. Текстология. М.-Л., 1964, с.20–21.

² Сб. “Замысел, труд, воплощение”... (в честь С. М. Бонди). МГУ, 1977, с.125–137.

нем, не понимая смысла поэмы, ни Измайлов, ни другие исследователи совершенно не разобрались. И все это было произвольно прикрито нелепым наименованием белового автографа ноября 1833 года цензурной рукописью, хотя он от цензуры не пострадал ни в малой степени.

Как было показано в разделе третьем, общераспространенный текст “Медного Всадника” уже сам по себе является совершенно неполноценным. Рассмотренный же в свете научной текстологии он предстает перед нами в качестве лишнего смысла текстологического недоразумения. Отсюда — полное непонимание тех фактов, которые освещены в разделе четвертом. Между тем, игнорируя эти факты, нельзя и пытаться установить дефинитивный текст пушкинской поэмы. Необходимо максимально критически подходить к незавершенной переработке текста поэмы на страницах писарской копии. Использовать правку Пушкина можно только в тех случаях, когда она не затрагивает структуру текста белового автографа.

Ради точности можно отметить, что попытки объединить тексты белового автографа и писарской копии все же предпринимались. Такова, например, попытка Б. В. Томашевского, датируемая двадцатыми годами. В примечании к изданию 1929 года говорится: “Текст дан по автографу и белой копии б. Румянцевского музея, причем включены все изменения, внесенные в беловую копию, которые не могут быть объяснены желанием приспособить произведение к цензурным условиям (“Медный Всадник” в его окончательном виде был запрещен Николаем I). Работе над “Медным Всадником” в творчестве Пушкина предшествовал замысел поэмы в онегинских строфах “Езерский”. Однако поэму эту Пушкин до конца не довел, переделав некоторые строфы в части “Медного Всадника”. Ряд строф из этой неоконченной поэмы Пушкин напечатал в журнале “Современник” 1836” (Пушкин, Сочинения, 5-е изд., М.-Л., 1929, с.587). В издании 1935 года, в котором текст поэмы был вновь изменен, Томашевский писал: “Печатается по рукописям” (Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах, изд. 3-е, т. II, М.-Л., 1935, с.675).

В основу дефинитивного текста “Медного Всадника” может быть положен только белой автограф, опубликованный П. Е. Щеголевым в 1923 году. Как было сказано нами уже в разделе пятом, все текстологические трудности начинаются именно с этого момента. Только понимание текста “Медного

Всадника” и сложной истории его происхождения может обеспечить правильный отбор тех изменений, которые были внесены Пушкиным в писарскую копию 1836 года. Необходимо четко представлять себе не только лавирование, вызванное требованиями Николая I, но и совокупность автоцензурных актов. Ни Томашевский, ни Бонди, ни Измайлов не догадывались, что такие изменения, как вычерк мечтаний Евгения, как вычерк заключения, были полностью автоцензурными. Они и не могли об этом догадаться, поскольку совершенно не понимали сложнейшую смысловую структуру пушкинского текста.

Таким образом, только в настоящем издании впервые осуществляется на основе принципов научной текстологии установление дефинитивного текста поэмы “Медный Всадник”. Здесь впервые раскрывается смысловая структура пушкинского произведения и на этой основе по всем имеющимся источникам устанавливается его текст.

В тексте белого автографа на основании текста писарской копии 1836 года и правки на ней Пушкина нами сделаны следующие исправления.

1) Предисловие. Вставлено: наводнения.

2) Вступление. Строки 93–96 заменены четырьмя строками, написанными Пушкиным до изготовления писарской копии. Автограф Пушкина не сохранился. Это одновременно и автоцензура и смелое пояснение замысла поэта.

Б.а. 93. Об ней начну повествованье
94. И будь оно, друзья, для вас
95. Вечерний, страшный лишь рассказ,
96. А не зловещее преданье...

Д.т. 93. Об ней свежо воспоминанье...
94. Об ней, друзья мои, для вас
95. Начну свое повествованье.
96. Печален будет мой рассказ.

3) Часть первая.

Б.а. 119. Живет в чулане; где-то служит,
Д.т. 119. Живет в Коломне; где-то служит.

Сопоставление “Медного Всадника” с “Домиком в Коломне” играет очень большую роль в “Медном Всаднике”. Это заставляет предполагать, что упоминание Коломны в этом месте

было давно заготовлено поэтом. Ср. 1, 245: домик (о доме Параша). При соединении это дает: Домик в Коломне.

4) Часть первая.

- Б.а. 175. Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
177. Обрато шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова.
179. И пуще пуще свирепела
Приподымалась и ревела
181. Котлом клокоча и клубясь,
И наконец, остервенясь
183. На город кинулась. Пред нею
Все побежало. Все вокруг
Вдруг опустело — волны вдруг
186. Вломились в улицы, в подвалы
С Невою слились ее каналы,
188. И всплыл Петрополь как тритон
По пояс в воду погружен.
Осада! приступ! лезут волны,
191. Как звери, в окна. С ними челны
С разбега стекла бьют кормой
193. Мосты снесенные грозой,
Обломки хижин, бревны, кровли
Товар запасливой торговли,
196. Пожитки бедных, рухлядь их,
Колеса дрожек городских
198. Гроба с размытого кладбища
Плывут по городу!
- Д.т. 175. Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
177. Обрато шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
179. Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
181. Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
183. На город кинулась. Пред нею
Все побежало. Все вокруг
185. Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,

К решеткам хлынули каналы,
188. И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
191. Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой,
193. Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли
Товар запасливой торговли,
196. Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
198. Гроба с размытого кладбища
Плывут по городу!

5) Часть первая

Б.а. 232. Как дождь ему в лицо плескал,
Д.т. 232. Как дождь ему в лицо хлестал,

6) Часть вторая

Б.а. 260. Но вот, насытись возмущеньем,
261. И наглым буйством утомясь,
262. Нева обратно повлеклась
263. Своим любуясь разрушеньем
Д.т. 260. Но вот, насытись разрушеньем,
261. И наглым буйством утомясь,
262. Нева обратно повлеклась
263. Своим любуясь возмущеньем.

7) Часть вторая

Б.а. 281. Еще под ними тлеет огонь,
Д.т. 281. Как бы под ними тлеет огонь,

8) Часть вторая

Б.а. 344. Свезили лодки.
И Хвостов,
Д.т. 344. Свезили лодки,
Граф Хвостов,

9) Часть вторая

Б.а. 371. Что было все ему дорогой
372. И двор и улица, но он

373. Не примечал. Он оглушен
 374. Был чудной, внутренней тревогой.
 Д.т. 371. Что он не разбирал дороги
 372. Уж никогда; казалось — он
 373. Не примечал. Он оглушен
 374. Был шумом внутренней тревоги.

10) Заключение

- Б.а. 469. Или мечтатель посетит
 Д.т. 469. Или чиновник посетит

11) Примечания. 3. Вставлено: в одном из лучших своих стихотворений — Oleszkiewicz.

ПУШКИН И КРЫЛОВ

Личные взаимоотношения Крылова и Пушкина, длившиеся почти два десятилетия, еще не изучены и не осмыслены. Судя по всему, Пушкин в целом относился к Крылову ровнее и положительнее. Отношение Крылова к Пушкину носило на себе следы его резко-отрицательного отношения к поместному дворянству. Это и привело в конце концов к созданию Крыловым басни “Змея” (1830), связь которой с личностью Пушкина в той или иной степени опровергнута быть не может. Но бесспорные факты свидетельствуют в то же время об устойчивой личной симпатии великого баснописца к Пушкину. Так или иначе сугубо скрытный Крылов во многом мог быть откровенным с великим поэтом. Он мог с полной откровенностью раскрыть ему смысл построения (кодификации) своих басенных книг. Для Крылова этот вопрос имел важнейшее значение. А опыт Крылова так или иначе мог быть использован Пушкиным уже при зарождении замысла “Медного Всадника” на уровне “Моей родословной”. Все это позволяет нам кратко остановиться на сущности кодификационной системы басен Крылова.

Еще в 1941 году в своей диссертации о Крылове Б. И. Коплан (1898–1941) обратил внимание на то, что басни в его книгах от издания к изданию перемещались. Из-за войны и последовавших затем ареста и гибели талантливого ученого и поэта защита его диссертации не состоялась. Текст диссертации сохранился у П. Н. Беркова и был введен в научный оборот в пер-

вом академическом издании басен Крылова 1956 года. Однако в этом издании независимо от работы Б. И. Коплана уже была раскрыта тайна кодификации басен Крылова. Кодификация эта строилась на двух основных рядах — начальном и конечном. Приводим данные об этих рядах.

В изданиях 1815–1816 годов в первом ряду находились басни:

1. Ворона и Лисица
2. Откупщик и Сапожник
3. Чиж и Еж
4. Лань и Дервиш
5. Чиж и Голубь

В конечном ряду:

1. Квартет
2. Орел и Паук
3. Демьянова уха
4. Водолазы
5. Фортуна в гостях.

В издании 1819 года части вторая и третья поменялись местами. В добавленной шестой части на первом месте стояла басня “Кукушка и Горлинка”, на последнем — “Сочинитель и Разбойник”.

В издании 1825 года, по политическим условиям вышедшем в свет в 1826 году, в первом ряду стояли:

1. Конь и Всадник
2. Чиж и Еж
3. Фортуна и Нищий
4. Осел и Мужик
5. Напраслина
6. Сочинитель и Разбойник
7. Василек.

В последнем ряду в издании 1825 года находились:

1. Квартет
2. Собачья дружба
3. Орел и Паук
4. Водолазы
5. Фортуна в гостях
6. Ягненок
7. Ворона.

Можно полагать, что порядок басен в издании 1825 года был навязан Крылову цензурой. Так или иначе, но в следующем издании 1830 года, в расположении басен первых шести

книг (частей) Крылов вернулся к изданию 1819 года. Седьмая книга повторяет издание 1825 года, а восьмая в начале имела басню “Крестьянин и Лошадь”, а в конце — “Три Мужика”.

Смысл кодификации первоначально склонялся к идее умеренности, причем постепенно выявлялось, что первый ряд имел характер демонстративный, а подлинная точка зрения баснописца заключалась в конечном ряду басен. В позднейших басенных сводах (особенно в двухтомном издании 1834 года, в изданиях 1840 и 1843 годов) это было подчеркнуто. Но тенденция эта формировалась постепенно и до этого. Две идеи были для Крылова руководящими: призыв к активности и осторожности. Обращения эти призывы были к русскому народу, в первую очередь, к крепостному крестьянину. Критика правительства в основном сводилась к басне “Квартет”. Существенно то обстоятельство, что в заднем ряду помещались только оригинальные басни Крылова.

Нужно полагать, что обращение Пушкина к басням Крылова в самом ответственном месте “Медного Всадника”, датирующем конфликт Евгения с Медным Всадником (Николаем I) 14-м декабря (1825 г.), в известной мере находится в связи с той информацией о скрытом смысле кодификации басен Крылова, о которой говорилось выше. Но у нас, к сожалению, нет никаких данных об осведомленности Пушкина о существовании оды баснописца по поводу восшествия на престол Николая I и ее установки на освобождение крепостных крестьян. Вопрос этот и не мог до настоящего времени быть предметом научного исследования, поскольку ода Крылова до сих пор не была опубликована. Не меньшее значение могло иметь для Пушкина резко отрицательное отношение автора оды к декабристам и дворянству.

Ода Крылова впервые публикуется в настоящем издании.

ПУШКИН И РУССКАЯ ТАЙНОПИСЬ

Применение к Пушкину термина “тайнопись”¹ обязывает нас дать краткую справку о длительной традиции русской тайнописи (XIII–XVIII вв). Капитальный труд академика

¹ Анна Ахматова в “Вопросах литературы”, 1970, №1, с.191.

М. Н. Сперанского (1929) облегчает решение этой задачи. Сперанский усматривает в истории русской тайнописи семь основных систем, а именно:

1) Система иных письмен: вместо обычной кириллицы, употребляется другой алфавит, причем буквы этого алфавита применяются в значении тождественном с кириллицей.

2) Система измененных знаков: отдельные буквы изменяют свой обычный вид путем прибавления лишних черт.

3) Система условных знаков: для обозначения букв употребляются особые начертания.

4) Система замен: условно по определенному ключу отдельные буквы азбуки заменяются другими из той же азбуки.

5) Система счетная (цифирная). Она основана на том, что все буквы кириллицы (кроме “б”) имеют числовое значение (м – 40, р – 100 и т.д.).

6) Система акростиха: по начальным буквам стиха или отдельным буквам фразы, составляющим запись или фразу, нарочно для этого составленную и имеющую иное содержание, требуется составить “затаенное” слово.

7) Отдельный вид тайнописи представляет употребление письма в обратном порядке букв (справа налево).

К тайнописи можно относить также писание узором (крест, круг, сердце, вязь)².

² М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. (Энциклопедия славянской филологии, вып. 4.з.) Л., 1929, с.56–58.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. А. КРЫЛОВ

**СТИХИ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ
НА ВСЕРАДОСТНЕЙШЕЕ ПРИБЫТИЕ
В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНЫЙ ГРАД МОСКВУ
К СВЯЩЕННОМУ МИРОПОМАЗАНИЮ
И КОРОНОВАНИЮ**

Встань от скорби истомленна,
Утешся нежна Россов мать,
Москва унылая, лишенна
Своих виновника отрад!
Умерь источник слез текущий:
Вопль безотрадный, скорбный твой
С небес услыша Всемогущий,
Приял тебя под кров святой.

10 Твою потерю незабвенну
Благим Монархом заменил;
Он милость с Истинной священну
В лице Его совокупил;
И Оным ныне поспешает
Тебя, как солнцем, озарить,
С Ним мир и радость обещает
В тебе посеять, возрастить.

20 Блаженство всюду разольется
В пределах Северной страны; —
Глас восхищенья пронесется
Среди народной тишины...
Забудет хитрость строить ковы,
Враги познают Россов мочь!
Премудрый Соломон наш новый
Спокойством оградит полночь.

30 Что зрю? от Северного края
Мелькнул к нам огневидный свет;
Иль Феб, во льдах лучь преломляя,
Сиянье с Севера к нам шлет?
Или его громады льдисты
Прияли виды кристалей?
Иль вновь Мiры явясь лучисты
Блеснули с эфирных зыбей?

Не здесь ли творческим веленьем
Планета новая течет,
Огнистым коей осененьем
Наш хладный Север стал согрет?
Или Бог снова созидает

Священный в оном свой Сион?
Мрак в свет – тьму в ясность претворяет
40 И тем готовит дать закон?

Нет – нет – сквозь воздух светозарный
То Благодатный к нам грядет;
Царь юный, свыше ниспосланный;
Он милости повсюду льет;
За ним бесчисленные сонмы
Вождей в отраде и красах;
Пред ним народов миллионы
Ликуют радостью в сердцах.

А там воздушными зыбями
50 Молва с золотой трубой летит,
И громогласными словами
Москву приветствуя, гласит:
“Сионя дочь – Москва золотая!
Сретай желанного Царя,
Он кроток и тебя спасая
Льет жизнь, как утрення заря.

Спеши во сретенье Осии,
Которого избрал сам Бог
Щитом спасенья быть России,
60 И сокрушением – врагов;
Пади к стопам Его священным,
Объятия прости свои –
Прими небес залог бесценный,
Он послан дни хранить твои.”

Уже России вид юнеет,
Чело вознесши к облакам;
В Царе Ее надежда спеет.
Какой предстал мне великан?
Влекомые восторгом грады,
70 Слиясь в единый – важный сонм,
Средь животворныя отрады
Склонились пред Царя челом.

При Немь обильемъ и красою
Россія Царства превзойдетъ;
Законовъ пою святойъ жертвою
Тонкимъ кровъ себѣ найдетъ.
Не будутъ мнить объ улучшенъи
Спокойства и народныхъ правъ,
Нѣтъ! Николаево правлене
Пребудетъ образцемъ Дежневъ...

Познали трудъ свой бесполезный
Хитросплетенные умы!
Се — Ангелъ свѣта — Царьъ любезный
Напнилъ коварно племя тьмы;
Своихъ усердемъ огражденный
Мзрѣкъ — и все преобразилъ...
Россіи сердце увлече
Отъ ранъ злодѣевъ изцѣмилъ.

И. А. Крылов. Ода 1826 года. Стрфы 22 и 23.
Российский государственный исторический архив.

И се – от взора с быстротою
Благоволенье к ним летит...
Возрит – взор Его собою
Отраду подданным дарит.
Орфей холодных струн коснется –
И жизнь и стройность слышны в них;
Монарха милость разольется –
80 Все расцвело в единый миг.

Пред ним от радости живятся
Бездушны всюду вещества,
Открыть в веселии стремятся
Начало обща торжества;
Что ж в сердце верном ощущает
Благотворимый Им народ?
Воскликновеньем выражает:
Величие Его доброт.

90 Как волны вихрем окриленны,
Бегут с стремлением к брегам;
Так Россы духом восхищенны,
Возведши взоры к небесам,
К Монарху длани простирают;
Благословят устав Судеб;
В сердцах блаженства не вмещают,
Пия обилие утех.

100 Свод неба, вижу, растворился –
В сияньи Вечного Чертог –
Непостижимый Мир открылся...
И правящий Судьбами Бог
С высот венец ниспосылает...
И мощною своей рукой
Монарха кроткого венчает
Монарха – истый образ свой.

Великий Храм богоизбранных
Местопомазанье Царей,
Небесным светом осиянный
Ликует в лепоте своей,
Зря нового Царя на троне

110 С царицей, и наследный сын
При их блистающей Короне
Стоит, как горний Херувим.

“Воззри, Бог рек, Царь! на пространство –
На отдаленность Росских стран,
Все те мои – Тебе ж в подданство
Народов оных жребий дан...
Тобой Россия усладится,
Век золотой в Тебе найдет;
Тобою в крепость облачится,
120 Возвысится и процветет. –”

Умолк глас – небо съединилось;
Как гром по окрестным странам
По всюду эхом повторилось:
Царь наш угоден небесам.
Правь Россом, вскликнула Природа,
Благословенный небом Царь!
Преданность русского народа
Тебе несет сердца их в дар.

Зря радостное их стремленье –
130 К твоим падут они стопам,
О здравии Твоем моленье
Возносят к горним небесам;
Да будет век Твой веком славы
И удивлением Царей!
Величье Росския Державы
Взнесется в самый Емпирей.

Промчались радостные клики
На троне Росском Николай!
И Капитолий наш великий
140 Весь полунощный – хладный край,
Ликует в сладком упоеньи,
Астреи лобызая Скиптр;
Небесным полный вдохновеньем
Се правит нами Росский Тит.

Се тот, кто в полгода Державы
Полсвета благом удобрил,
Умножил блеск Российской славы,
Законом Царство оградил.
150 Суд с Милостью в Нем съединенный
К своим злодеям показал,
Гордыню вольности взнесенной
Смирением своим поправил.

Везде разлился лучь отрады –
Играют горы и поля;
Смеются отдаленны грады;
В восторге плещут все моря;
Какое щастье – услажденье
Впереди Россию снова ждет!
160 Монарха мудрое правленье
Нас к совершенству доведет.

Он будет Гением покоя,
Любви сердечной, доброты,
Не брани узрим в Нем Героя –
Героя мира, простоты;
Не грозный мечь – весы Фемиды
В правленье Он свое внесет,
Невинный, не боясь обиды,
Защиту в Троне обретет.

170 При нем обильем и красою
Россия Царства превзойдет;
Законов под святой чертою
Гонимый кров себе найдет.
Не будут мнить об улучшеньи
Спокойства и народных прав,
Нет! Николаево правленье
Пребудет образцем Держав...

Познали труд свой бесполезный
Хитросплетенные умы.
Се – Ангел света – Царь любезный
180 Истнил коварно племя тьмы;
Своих усердьем огражденный

Изрек – и всё преобразил...
России сердце уязвленно
От ран злодеев исцелил.

При самом Царствия начале
В Себе Он мудрость доказал;
Правленья Своего в Зерцале
Любовь к народу изливал.
190 Какое ж сердца восхищенье
Нам лучше может быть того,
Как зреть в Монархе попеченье
О благе Царства Своего?

По что Аврелиев в сравненье
И Титов нам в примеры брать?
Пусть их премудрое правленье
Могло Державы удивлять;
Но малы нам сии примеры;
200 Монарх наш свыше человек –
В Блюстителе Христовой Веры
Блаженство обретет наш век.

Его щедротная порфира
Согрела Милостью сердца,
Всяк зрит средь Росского пол-мира
В Отце Царя – в Царе Отца;
Открылся Гений сокровенный
Ума, доброты, правоты,
Друг человечества бесценный
Средь мятежа и суеты.

210 Храни благое Провиденье,
Храни сей благодатный Дар!
Он крепость наша, утешенье,
Он всё – Отец наш Вождь и Царь!
Ему предречено Судьбою
Российским Царством управлять,
И милостью Своей благою
Нас ограждать от бед – спасать.

Спасай – и мы уже готовы
С преданною во всем душой
Хранить драгий, священный, новый
220 Закон ненарушимо Твой;
Веди Ты, Вождь Благословенный!
Нас прямо Щастия в чертог;
Будь обороной нам нетленной;
Коль с нами Ты, так с нами Бог.

Комментарии

Совершенно не известная ранее ода Крылова на коронацию Николая I в августе 1826 года была обнаружена нами в деле “По отношению князя А. Н. Голицына с препровождением пятнадцати стихотворений, поднесенных Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу по случаю коронации” Ученого комитета Главного правления училищ Министерства народного просвещения¹. Дело это было начато лишь 22 октября 1826 года, поскольку кн. А. Н. Голицын направил стихотворения по поводу коронации на усмотрение министра народного просвещения А. С. Шишкова по завершении их поступления.

Большая часть стихотворений поступила в течение августа и сентября 1826 г. Кроме Крылова стихотворения представили: отставной подполковник Павел Свечин, коллежский советник Константин Татищев, надворный советник Андрей Брежинский, отставной поручик Николай Ильич Зряхов, титулярный советник Дмитрий Иванович Флавицкий, отставной прапорщик Лев Александрович Сорокин, копиист московского магистрата из студентов Иван Посников, кандидат словесных наук Иван Слободчиков, канцелярист Иван Зенин, Владимир Соломирский, Александр Васильев и жена коллежского регистратора Миримиана Половоротова. Из представленных стихотворений три были печатными (два П. Свечина и одно А. Васильева), остальные рукописными. Стихотворения названных поэтов, а также немецкое стихотворение Петросилиуса, рецензировались И. И. Мартыновым и П. И. Соколовым. Рецензентами были одобрены оба стихотворения П. Свечина, а также стихотворения Крылова, Брежинского, Флавицкого, Петросилиуса и Слободчикова.

Приводим отзыв И. И. Мартынова о произведении Крылова, которого он лично знал еще с 1790-х годов:² “Стихи на тот же случай Ивана Крылова, скромно так названные, но достойные названия оды, написаны плавно, довольно содержат в себе мысли, поэзии, и по моему мнению, заслуживают быть напечатанными, с приписанием имени Государя Императора, а сочинитель поощрения; я бы полагал только: в 9-й строфе вид России переменить на лик; рифмы к облакам и великан сделать богаче, и не худо бы великана обратить в исполина. В 13-й строфе сын и херувим также лучше бы переменить; в 17-й ошибку разрился исправить, и последний стих сей строфы не

совсем поэтический, выразить сильнее; впрочем это такие недостатки, кои могут остаться и без перемены”³.

Всеподданейшая докладная записка А. С. Шишкова, составленная по этому вопросу в декабре 1826 года, успеха не имела, в связи с чем было приказано: “По неважности всех стихотворений, не поднося некоторых из них, одобренных Комитетом, Государю Императору, хранить при деле, которое считать конченным. 1 февраля 1827”.⁴

Ученые ценители Главного управления училищ к достойным одобрения произведениям на равных основаниях отнесли и оду Крылова и произведения, явно противоречащие ей в идейном плане. В то время как Андрей Брежинский, например, всячески превозносил российское дворянство, Крылов совершенно замалчивал положительную роль этого сословия и сурово обвинял его в лице декабристов. Обращаясь к новому императору, Брежинский говорил:

Люби Российское Дворянство,
Оно Монархии оплот;
Оно честь, славу и подданство
Передает из рода в род.⁵

В оде Крылова приведенным строкам не находится никакого соответствия. И основываясь на изучении басен Крылова мы можем сказать, что это закономерно. Достаточно сравнить относительно мягкий тон басни “Листы и Корни” /1812/ с нетерпимостью таких басен как “Лещи” и “Волк и Кот” /обе 1830/, чтобы направление идеологического развития баснописца нам стало ясно.⁶

Вынужденная осторожность крыловского баснописания лишь помогала ему в известные моменты выражать свою мысль почти неприкрыто.

К таким программным произведениям мы должны отнести прежде всего басни “Крестьяне и Река”, “Мирская сходка” /обе 1816/ и “Рыбы пляски” /1824/. Варьируя образы, долженствующие означать крестьян, помещиков и царя, Крылов всегда ориентировал читателя на основные из них – Овца, Волк, Лев /Орел/. Исходя из этих основополагающих для него определений, баснописец одновременно приучал читателей к угадыванию этих важнейших образов в образах-заменителях. Поэтому народ /крепостное крестьянство/ мог быть представлен и Рыбами; а помещики – Змеей, Камнем /басня “Камень и Червяк”/ и т. п.

Сказанное помогает нам понять, что в оде 1826 года Крылов выступил против декабристов (строфа 23) не впервые. Декабристы для него прежде всего помещики, в которых он имел возможность разочароваться уже в связи с судьбой указа от 20 февраля 1803 года о вольных хлебопашцах.⁷ И когда была определена программа Союза Благоденствия /1818/ Крылов реагировал на нее чрезвычайно остро почти немедленно. 9 августа 1818 года вышла из печати его басня “Крестьянин и Змея”, в окончательном своде вошедшая в шестую книгу под N 16. В ней баснописец с предельной лапидарностью выразил позицию самого крестьянства, о котором позднее он сказал: “Нет, в наших мужичках не столько мало толку”⁸. Приводим полностью этот важнейший политический документ:

К Крестьянину вползла Змея,
И говорит: “Сосед! начнем жить дружно.
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я,
И кожу нынешней весной переменила”.
Однако ж Мужика Змея не убила.
Мужик схватил обух
И говорит: — “Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же”.
И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину;
Как хочешь, ты меняй личину:
Себя под нею не спасешь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.⁹

Понимание подобной позиции защитников интересов крепостного крестьянства мы находим в дневнике С. И. Тургенева, записавшего 1 сентября 1822 года следующую важную мысль: “Государь в России еще более имеет права на помещиков, чем последние на рабов своих. Но для крестьян, в теперешнем их положении рабства, выгодно иметь в России Государя самовластного, как единую, хотя слабую препону злоупотребления помещичьей власти”.¹⁰

Однако декабристы и в 1818 и в 1825 году не были одинаковыми. Крылову это было хорошо известно, так как он давно уже вращался в их среде и принимал участие в их легальных

организациях. Поэтому нет никаких оснований для утверждения, что в басне “Крестьянин и Змея” 1818 года он изобразил всех декабристов или лучших из них. Не следует забывать, что ближайшим образом связанный с декабристским движением Грибоедов в комедии “Горе от ума” показал не только Чацкого, но и болтуна Репетилова.¹¹

Позднейшая басня Крылова “Бритвы” /1829/ лучше всего показывает, что умнейших из декабристов он умел ценить и считал полезными для государственной деятельности. Такое понимание басни основано на веском свидетельстве Гоголя и подкреплено советским литературоведением. Однако истолкование этого важного произведения ни в какой мере не должно быть расширительным.

Ода 1826 года в принципе не противоречит известному нам политическому мировоззрению Крылова. Монарха он приветствует и признает только в той мере, в какой он ограждает “права народа”. Как только царь уклоняется от исполнения этого важнейшего своего долга, баснописец обрушивает на него свои грозные сатирические удары. К таким произведениям должны быть отнесены, прежде всего, “Крестьяне и Река”, “Пестрые Овцы”, “Лещи” и “Вельможа”.

Разумеется, инициатором создания и поднесения оды был в первую очередь А. Н. Оленин. Но как и всегда, воздействие последнего не нарушало хода собственной мысли великого баснописца.

Оригинал оды представляет собою обычный подносный выполненный писарем текст. В нем имеется лишь одна, замеченная опытным И. И. Мартыновым, описка, которая нами исправляется. Особенности орфографии по возможности сохраняются.

1 ЦГИА, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 20543, листы 37-45.

2 С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955, с. 27.

3 ЦГИА, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 20543, л. 80-83. “Мнение” Мартынова поступило 18 ноября 1826 г.

4 Там же, л. 90-98.

5 Там же, л. 18.

6 “История русской поэзии” под редакцией Б. П. Городецкого, том 1, Л., 1968, с. 218-219, 222.

7 А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957, с. 169-175.

8 И. А. Крылов. Басни. М.-Л., 1956, стр. 236.

9 Там же, с. 171. Впервые в журнале В. Н. Олипа “Журнал древней и новой словесности” 1818, часть 1, кн. 2, с. 79.

10 Институт русской литературы АН СССР, Рукописный отдел, фонд братьев Тургеневых, ед. хр. 29, л. 91 об. Запись введена в научный оборот доктором исторических наук В. В. Пугачевым.

11 М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, с. 349-366.

4 Смерть императора Александра I 19 ноября 1825 года в Таганроге.

10 Николай I.

21 Восстание декабристов.

57 Осия – царь Израиля с 730 по 722 г. до н. э.

110 Императрица Александра Федоровна и ее сын Александр.

142 Астрея – в древнегреческой мифологии богиня справедливости, дочь Фемиды и Зевса.

144 Тит – Тит Флавий Веспасиан, римский император с 79 по 81 год.

150 Суд над декабристами.

165 Богиня правосудия – Фемида.

178 Декабристы.

193 Аврелий – Марк Аврелий Антонин, римский император с 161 по 180 год.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аврелий см. Марк Аврелий Антонин
Александр I, имп. 16, 43, 47, 62, 63, 69, 101
Александр Николаевич, в. кн. 93, 101
Александра Федоровна, имп. 13, 41, 43, 48, 63, 69, 93, 101
Александров В. 32
Александров В. В. 54
Алексеев М. П. 44, 53
Алпатов М. В. 57, 61
Альгаротти Ф. 27
Андреа дель Сарто см. Сарто
Анжелико Ф. 63
Анненков П. В. 65
Антокольский П. Г. 46, 57, 60
Анциферов Н. П. 40
Аншелес И. И. 57
Аполлоний, св. 63
Арсентьева А. В. 54
Архангельский А. Н. 64
Ахматова А. А. 37, 83
- Бабинцев С. М. 100
Базанов В. Г. 53
Баумейстер Ф. Х. 42
Бахман Ф. 42, 58, 59
Белинский В. Г. 38
Белый А. 35, 37, 57
Беляевская О. Н. 5
Бенкендорф А. Х. 27, 41, 43, 63, 69
Бенуа А. Н. 50, 74
Берков П. Н. 81
Берх В. Н. 9
Биржакова Е. Э. 49
Благой Д. Д. 34-35, 39, 55, 57
Бонди С. М. 36, 67, 68, 76, 78
Борев Ю. Б. 55, 57, 58, 62
Боровский И. С. 66

¹ Составлен Л. Д. Могиланской

Браиловский С. Н. 55
Брежинский А. П. 97-98
Бродский Н. Л. 60, 61
Брокгауз Ф. А. 33
Брюсов В. Я. 33, 34, 38, 40
Бугаев Б. Н. – см. Белый А.

Ваннучи – см. Сарто
Васильев А. 97
Венгеров С. А. 33
Вернадский Г. В. 34, 35, 51, 61
Виленчик Б. Я. 5
Водник Б. 61
Волкова А. А. 62
Вяземский П. А., кн. 27

Галич А. И. 42, 59
Гегель Г. В. Ф. 58
Гербарт И. Ф. 58
Гербстман А. И. 36
Гирландайо Д. 63
Глинка Ф. Н. 62
Гоголь Н. В. 49, 100
Голицын А. Н., кн. 97
Городецкий Б. П. 100
Горький М. 54
Грибоедов А. С. 100, 101
Гроссман Л. П. 61
Грузинская Н. Н. 5
Гульянов И. А. 62

Даниил Заточник 54
Державин Г. Р. 41
Джорджо Маджоре, св. 63
Джотто ди Бондоне 63
Дмитриев И. И. 65
Достоевский Ф. М. 3

Екатерина II, имп. 41, 42
Еропкин Б. И. 5
Ерышева Т. А. 5

Ефремов П. А. 66

Ефрон И. А. 33

Жакова Л. В. 5

Жуковский В. А. 64, 65, 75, 76

Завадовская Е. М., гр. 27

Зенгер-Цявловская Т. Г. 67, 68

Зенин И. 97

Зряхов Н. И. 97

Иванова Л. А. 5

Измайлов Н. В. 55, 56, 68, 70, 73, 76, 77, 78

Исаков Я. А. 65

Канунова Ф. З. 60

Капралова Н. В. 5

Карамзин Н. М. 14, 43, 44, 63, 69

Кастаньо А. 63

Катенин П. А. 41

Кафенгауз Б. Б. 57, 60, 61

Кизеветтер И. Г. К. Х. 42, 58

Киреевский П. В. 31

Кирпотин В. Я. 55, 57, 61

Клейн Г. М. 58, 59

Кокошкин И. 62

Комарович В. Л. 35-36

Константин Николаевич, в. кн. 63, 69

Константин Павлович, в. кн. 43

Коплан Б. И. 81, 82

Корбэ Ш. 61

Краузе К. К. Ф. 58

Круг В. Т. 58

Крылов И. А. 45, 71, 81-83, 87-101

Кульман Е. Б. 50

Купреянова Е. Н. 36, 57

Кустодиева Т. К. 5

Лаврецкая В. И. 57

Ланда М. С. 5

Ланской Д. 62

Лажостский К. П. 60
Ледницкий В. 33
Леонардо да Винчи 63
Лермонтов М. Ю. 54
Лернер Н. О. 43
Леушева С. И. 51, 55, 60
Лихачев Д. С. 75-76
Лодий П. Д. 42, 59
Лубкин А. С. 42, 59
Луначарский А. В. 31

Маас И. Г. Э. 58
Майков А. Н. 51
Македонов А. В. 57, 61
Макогоненко Г. П. 32
Мальцев М. И. 60
Марк Аврелий Антонин 95, 101
Маркул 63
Мартынов И. И. 97-98, 100
Мезенцев П. А. 60
Мейлах Б. С. 60, 69
Мемель 58
Менъе А. 41
Милорадович М. А., гр. 27, 41, 43, 63, 69
Михаил Николаевич, в. кн. 42, 44, 61, 63, 69
Мицкевич А. 27, 32, 33, 61
Морозов П. О. 66

Назарова Л. Н. 57
Невелев Г. А. 64
Немировский И. В. 57
Нечкина М. В. 43, 101
Николай I, имп. 24, 35, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51,
52, 58, 63, 64, 65, 77, 78, 83, 87-101
Николай Николаевич, в. кн. 42, 63, 69
Носков Н. Д. 50

Овсянико-Куликовский Д. Н. 69
Одоевский В. Ф., кн. 3
Оксенов И. А. 33
Оксман Ю. Г. 62

Оленин А. Н. 100
Олешкевич Й. 27, 81
Олин В. Н. 101
Осия 90, 101

Павел, св. 63
Павел I, имп. 41
Пасынков Н. В. 57
Перетяткович М. М. 5
Петр Великий, имп. 12, 13, 32, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 51, 57,
58, 63, 64, 69
Петров С. М. 51
Петросилиус 97
Пиксанов Н. К. 48, 56, 60
Платнер Э. 58
Поварнин С. И. 50
Половоротова М. 97
Посников И. 97
Поспелов Н. С. 39
Предтеченский А. В. 57, 100
Пугачев В. В. 101
Пугачев Е. И. 46
Пушкин Л. А. 42
Пушкин Ф. М. 42.
Пушкина Н. Н. 48

Радищев А. Н. 34
Раковский Е. Л. 5
Робусти – см. Тинторетто
Рождественский Н. Ф. 42, 59
Рубан В. Г. 27
Рудаков С. Б. 39, 70, 73

Саакян П. Т. 51, 55
Саввин Н. А. 60
Сарто А. дель 63
Свечин П. И. 97
Сергиевский И. В. 37
Симеон Великий, св. 63
Сиповский В. В. 48
Сквозников В. Д. 57, 60

- Слободчиков И. 97
Слонимский А. Л. 57, 69
Сметанина С. С. 5
Соймонов А. Д. 31
Соколов П. И. 97
Соловьева О. С. 36
Соломирский В. 97
Соломон 89
Сорокин Л. А. 97
Спасович В. Д. 32-34, 36, 37, 38, 51, 57, 61
Сперанский М. Н. 84
Степанов Г. В. 53
Стоюнин В. Я. 65
Стучка П. И. 37
- Тархов А. Е. 37
Татищев К. 97
Тимофеев Л. И. 55, 57, 60
Тинторетто 63
Тит Флавий Веспасиан 94, 95, 101
Тициан 63
Тоддес Е. А. 37
Толстой, сенатор 41
Томашевский Б. В. 55, 56, 57, 61, 67, 68, 70, 73, 77, 78
Траян 47
Третьяк И. 33
Тургенев С. И. 99
Тургеневы, братья 101
- Фальконэ Э. М. 46, 48
Флавицкий Д. И. 97
Фридлендер Г. М. 57
Фриз Я. Ф. 58
- Харлап М. 56, 61
Хвостов Д. И., гр. 21, 43, 47, 48, 57, 62, 63, 69, 80
Ходасевич В. Ф. 61
Христос 40, 48, 63
- Цявловская – см. Зенгер-Цявловская Т. Г.

Чулков Г. И. 61

Шампольон Ж. Ф. 44

Шафров П. 62

Шекспир У. 3

Шишков А. С. 97, 98

Шмид К. Х. Э. 58

Щеголев П. Е. 74, 75, 76, 77

Эйдельман Н. Я. 64

Якоб Л. 58

Яковлев Г. Н. 5

Corbet Ch. 61

Lednicki W. 33

Oleszkiewicz J 27

Tretiak J. 33

Vodnik B. 61

Содержание

Предисловие	3
А. С. Пушкин. Медный Всадник. Петербургская повесть	7
Предисловие	9
Вступление	11
Часть первая	14
Часть вторая	19
Заключение	25
Примечания	27
Комментарии	29
Проблема истолкования поэмы Пушкина “Медный Всадник”	31
Послесловие	53
Дополнения к примечаниям	55
Общеизвестный текст “Медного Всадника”	64
Третий смысловой ряд	69
Издание П. Е. Щеголева	74
Дефинитивный текст и его установление	75
Пушкин и Крылов	81
Пушкин и русская тайнопись	83
Приложение	85
И. А. Крылов. Ода 1826 года	87
Комментарии	97
Указатель имен	103

Научное издание

НЕИЗДААННЫЙ ПУШКИН

Под редакцией Александра Петровича Могилянского

Художественное оформление Е. Н. Коломиец

Корректор А. В. Осокина

Компьютерная верстка А. Е. Шакренцкий

Подписано в печать 22.11.94. Формат 60 × 84/16. Объем 7 п. л.

Тираж 2000 экз. Заказ 544

Издательство «ЭЛМОР», 199026, Санкт-Петербург, а/я 868.

Отпечатано в СППО-2, С.-Петербург, Парголово, ул. Ломоносова, 115